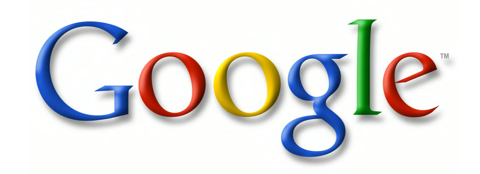

Russ misc.

Debagorii-Mokrievich, Vl.

Bunt v Goranakh. 1902.

JE SUIS CE QUI A ETE
CE QUI EST ET CE QUI SERA
LE VOILE QUI ME COUVRE
HOOVER LIBRARY
ON
WAR, REVOLUTION AND PEACE
Nikolaevsky Collection

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

№ 14. — БИБЛІОТЕКА «ЖИЗНИ». — № 14.

LA RÉVOLTE A HORANY.

Prix : 40 коп., 80 pf., 20 cst., 1 fr., 10 d.

Бунтъ въ Горанахъ

Разсказъ

Вл. Дебогорія-Мокріевича.

Изданіе соціалдемократической организаціи «Жизнь».

ЛОНДОНЪ.
Типографія «Жизни».
1902.

Поступили въ продажу слѣдующія изданія соціал-демократической организаціи «Жизнь»:

,,Жизнь'' No. 1, апрѣль, 1902 года. Цѣна 5 фр.
,,Жизнь'' No. 2, май, 1902 года. Цѣна 5 фр.
,,Жизнь'' No. 3, іюнь, 1902 года. Цѣна 5 фр.
,,Жизнь'' No. 4, іюль, 1902 года. Цѣна 3 фр.
,,Жизнь'' No. 5, августъ, 1902 года. Цѣна 3 фр.
,,Первое Мая'', майскій иллюстр. листокъ ,,Жизни''. Цѣна 1 фр.
Листки «Жизни» NoNo. 1, 2, 3, 4, 5 и 6. Цѣна 10 сант. каждый.
Проектъ программы Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, выработанный соціалдемократической организаціей «Жизнь». *(Высылается безплатно).*

БИБЛІОТЕКА «ЖИЗНИ».

No. 1. **,,Ткачи'',** драма Г. Гауптмана, съ 2 иллюстраціями. Цѣна 2 фр.
No. 2. **,,Бебель о Бернштейнѣ'',** съ портр. А. Бебеля. Ц. 2 фр.
No. 3. **,,Пролетаріатъ и Армія'',** Г. Лагарделя. Цѣна 2 фр.
No. 4. **,,Изъ жизни духовенства''** (сборникъ). Цѣна 1 фр. 50 с.
No. 5. **,,Сказка про то какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться'',** П. Барыковой. Цѣна 10 сант.
No. 6. **,,Благотворительность'',** Разсказъ П. Гези, Перев. съ французск. А. М. Цѣна 10 сант.
No. 7. **,,Дѣло Павловскихъ крестьянъ''.** Цѣна 1 фр.
No. 8. **Общество ,,Земля и Воля'',** Е. А. Серебрякова. Цѣна 1 фр.
No. 10. **,,Стачка и бойкотъ''.** Цѣна 10 сант.
No. 12. **,,Горе Натальи'',** разсказъ В. Л. Цѣна 10 сант.
No. 13. **,,Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-ыхъ годовъ'',** Петербуржца. Цѣна 1 фр. 50 с.
No. 14. **,,Бунтъ въ Горанахъ'',** Вл. Дебогорія-Мокріевича. Ц. 1 фр.

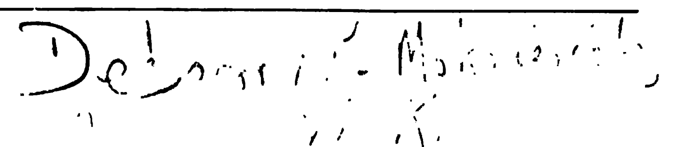
ПОРТРЕТЫ И КАРТИНЫ.

А. Бебель, портретъ. Цѣна 10 сант.
Л. Н. Толстой на берегу моря. Цѣна 10 сант.
Соціалдемократія и самодержавіе (больш. форм.). Ц. 20 сант.
Возставшій народъ съ убитыми товарищами передъ окнами прусскаго короля. Цѣна 10 сант.
Матильда Хицфельдъ на Кирхеймболянденской баррикадѣ. Цѣна 10 сант.
Демократъ Якоби и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV. Цѣна 10 сант.
Памятникъ Муравьеву-Вѣшателю. Цѣна 10 сант.

Печатаются:

,,Жизнь'' No. 6, сентябрь 1902 года.
Листки ,,Жизни'', No. 7 и No. 8.
N⁰ 9. **,,Взаимныя отношенія польскихъ и русскихъ соціалистовъ'',** Л. Плохоцкаго.
No. 11. **,,Рабочіе союзы''.**

№ 14. — БИБЛІОТЕКА «ЖИЗНИ». — № 14.

Бунтъ въ Горанахъ

РАЗСКАЗЪ

Вл. Дебогорія-Мокріевича.

Изданіе социалдемократической организаціи «Жизнь».

ЛОНДОНЪ.
Типографія «Жизни».
1902.

БУНТЪ ВЪ ГОРАНАХЪ.

I.

Былъ холодный мартовскій день. Стая галокъ, распластавъ крылья противъ вѣтра, съ крикомъ летала надъ селомъ Горанами, предвѣщая дурную погоду. Сѣрыя тучи неслись низко надъ землею; сильный вѣтеръ задиралъ по крышамъ хатъ солому и шелестилъ по огородамъ сухимъ, прошлогоднимъ бурьяномъ. Уныло выглядѣла широкая деревенская улица, покрытая замерзшими кочками грязи. По сторонамъ тянулись высокіе окопы, выложенные соломою вперемежку съ валежникомъ и мѣстами поросшія густою повойкою. То здѣсь, то тамъ окопы прерывались воротами изъ рѣдко сбитыхъ досокъ, сквозь которыя видны были крестьянскіе дворы и хаты.

Пусто было и на широкой, главной сельской улицѣ, и въ переулкахъ, и по дворамъ, и въ хатахъ — такъ, что если бы въ ту минуту наѣхали откуда нибудь воры, то они могли бы повытаскать изъ крестьянскихъ сундуковъ всѣ полотна и никто не замѣтилъ бы этого. Всѣ Горанцы собрались въ этотъ день въ свою небольшую церковь, стоявшую по серединѣ села, на краю площади. Старики, едва передвигавшіе ноги, которыхъ уже по нѣскольку лѣтъ никто не встрѣчалъ на улицѣ (они уже лежали по своимъ избамъ на печахъ, ожидая смерти) и тѣ побрели; — пошли и всѣ дѣти, которыя только могли ходить; — а которыя - не могли — грудныя, — тѣхъ понесли матери съ отцами, или старшія сестры.

Деревянная церковь не могла вмѣстить всѣхъ и густая толпа наполняла настежъ отворенныя, широкія двери, выползая наружу подъ церковный навѣсъ,

подпертый деревянными колонками. Вся эта масса, въ свиткахъ и кожухахъ, съ обнаженными головами (только у женщинъ головы повязаны были цвѣтными платками) была такъ плотно сбита, сдавлена въ одну кучу, что достаточно было произойти движенію въ одномъ углу церкви, что бы движеніе это, подобно волнѣ, — пройдя по головамъ черезъ всю церковь, отразилось въ противуположномъ углу. Церковь освѣщена была восковыми свѣчами, налѣпленными передъ образами всюду, гдѣ было возможно и въ темный, сѣрый день—онѣ горѣли ярко; никогда въ самыя высоко - торжественные дни Горанская церковь не была такъ освѣщена какъ теперь. Царскія ворота были широко отворены и священникъ, невзрачный старичекъ, съ маленькимъ, тонкимъ носикомъ и моргающими выцвѣтшими глазками, лишенными рѣсницъ, — стоялъ лицомъ къ толпѣ въ полномъ облаченіи и читалъ манифестъ царя *о волѣ*. « Господи !...» — проносился по толпѣ шопотъ. Старухи, вылѣзшія напередъ, стояли на колѣняхъ и, припавши лицомъ къ полу, плакали. И по всей церкви женщины всхлипывали, а мужики стояли, опустивъ глаза внизъ.

Когда священникъ окончилъ чтеніе манифеста — было уже часа четыре пополудни ; но толпа все еще продолжала стоять въ церкви, взволнованная, вздыхающая; болѣе радостнаго дня никто не помнилъ. Потомъ толпа направилась съ непокрытыми головами къ выходнымъ воротамъ по церковному двору, отгороженному отъ площади высокимъ заборомъ. Вываливъ на площадь всею массою, мужики надвинули на головы, свои черныя, бараньи шапки и, колыхаясь изъ стороны въ сторону, вдругъ разомъ заговорили. Послышались восклицанія: «Козачина ! Наступила козачина!..»—Однако кому извѣстенъ смыслъ, заключающійся въ словѣ « Козачина » для украинца, тотъ пойметъ, какъ много выражало собою это одно отрывистое восклицаніе. Оно выражало собою не только уничтоженіе крѣпостного права, но и всѣхъ вообще привилегій ненавистнаго панства; паны лишены будутъ земли; мужики сдѣлаются вольными и вся земля будетъ раздѣлена поровну между людьми. «Дождались таки, Слава Богу, козачины !»—восклицали мужики, двигаясь толпою по широкой улицѣ и стуча объ мерзлую землю

своими большими, неуклюжими сапогами, подбитыми желѣзными подковами.

— Вотъ, диду, — пришла и воля! — проговорилъ низенькій мужичокъ, нагоняя высокаго, сѣдого старика въ кожухѣ. — Старикъ шелъ медленно, опираясь на палку изъ лѣсного орѣшника.

— Слава Господу Богу!— отвѣтилъ тотъ, не останавливаясь и не поднимая глазъ отъ земли.

— Вы все слышали, диду, что читалъ попъ!— спросилъ первый, идя рядомъ со старикомъ.

— Попъ громко читалъ; и ты, и я, и всякій кто былъ въ церкви могъ слышать, — нѣсколько сурово проговорилъ дѣдъ. Онъ шепелявилъ: переднихъ зубовъ у него не было.

Низенькій мужичекъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на дѣда.

— Конечно и я былъ въ церкви, и вы, и много еще кромѣ насъ было народу; — собрались люди со всего села... И всѣ слышали попа... Только... Чудно какъ-то мнѣ!...

— А что же тебѣ чудно?...

— Не знаю, какъ и сказать,—отвѣтилъ низенькій мужичекъ, пожимая плечами, — а потомъ вдругъ воскликнулъ:

— Зачѣмъ онъ такъ много читалъ, когда и двухъ словъ было довольно?! — Не разобралъ я, диду, что читалъ намъ попъ; — не разобралъ...

Никола Середюкъ (такъ звали низенькаго мужичка) шелъ нѣкоторое время молча, съ опущенною внизъ головою, словно о чемъ то размышлялъ. Въ его умныхъ, черныхъ глазахъ не выражалась того блаженно-довѣрчиваго чувства, которое отражалось на лицахъ большинства крестьянъ, присутствовавшихъ въ церкви, а напротивъ видно было сомнѣніе и смутное сознаніе чего то для него непонятнаго...

— А важное дѣло! Крѣпко вѣрное дѣло! И самому разумному человѣку есть надъ чѣмъ поломать голову! — проговорилъ онъ въ полголоса, какъ бы про себя.

— Твоя правда, — согласился старикъ, понижая голосъ въ свою очередь, хотя въ тонѣ съ какимъ произнесены были эти слова старикомъ совсѣмъ не слышалось сомнѣніе, а напротивъ какъ будто дѣдъ, что

вало: кое гдѣ только по вѣтвямъ появлялись весною листочки.—«Этому дереву пришло время умирать»,—думалъ онъ; и рѣшилъ, чтобы на этомъ мѣстѣ посадила его дочка другую яблоню; теперь шагахъ въ семи отъ стараго, умиравшаго дерева росла посаженная Гапкою молодая щепа.

Какъ ни любилъ старикъ свои груши и яблони, но конечно, во сто кратъ сильнѣе любилъ онъ свою Гапку. Проживши долго съ женою и не имѣя дѣтей, онъ готовился уже бездѣтнымъ умереть, когда неожиданно у нихъ родилась дочь. Жена послѣ родовъ заболѣла и умерла, оставивъ ребенка сиротою. Недбайло предался рощенію Гапки, на сколько только дозволяло ему его подневольное, крѣпостное, крестьянское положеніе. Жениться вторично онъ не хотѣлъ, да и старъ былъ для этого, и отдавать ребенка на сторону на прокормленіе—тоже не захотѣлъ и потому ему пришлось испытать особенно много хлопотъ. Онъ принялъ къ себѣ одну старуху, не имѣвшую собственной семьи и слонявшуюся на старости по чужимъ дворамъ, которая взялась кормить изъ рожка и смотрѣть за его ребенкомъ. И сколько разъ, бывало, по вечерамъ, воротившись домой послѣ работъ, самъ онъ пеленалъ свою маленькую Гапку и поворачивалъ ее въ своихъ большихъ рукахъ на всѣ стороны, всюду заботливо оглядывая... А увидитъ, бывало, прѣлое мѣсто на шеѣ или подъ ручками возьметъ своими мозолистыми пальцами щепотку порошку, натертаго изъ «татарскаго зелья», растущаго по болотамъ, и посыпетъ прѣлое мѣсто. Любовь старика почти всегда беззавѣтна, такъ какъ у него нѣтъ своего будущаго; и Недбайло беззавѣтно полюбилъ и привязался къ своей маленькой дочкѣ.

Выросла Гапка стройная и высокая съ бѣлыми зубками и прямымъ носикомъ, надъ которымъ протянулись двумя дугами почти сросшіяся темныя брови. Когда ей минуло девятнадцать лѣтъ за нее посватался паробокъ Семенъ Свистунъ, и годъ тому назадъ они обвѣнчались.

Возвратившись изъ церкви, Недбайло не засталъ дома ни Семена, ни Гапки; онъ усѣлся на лежанкѣ, и, прислонясь спиною къ печкѣ, погрузился въ думы; въ памяти старика воскресали грустныя, тяжелыя

происшествія изъ прошлой крѣпостной жизни, но скоро мысль его перебѣжала къ настоящему, къ сегодняшнему торжественному событію, къ *волѣ*,—и онъ почувствовалъ приливъ глубокаго счастія. Онъ радовался тому, что Гапкѣ съ Семеномъ не прійдется такъ страдать, какъ приходилось когда-то ему самому; будущность ему рисовалась, теперь послѣ царскаго манифеста, читаннаго въ церкви, въ самыхъ розовыхъ краскахъ; онъ былъ полонъ надеждъ, какъ юноша,—несмотря на всю свою опытность, на нѣсколько десятковъ лѣтъ жизни полной горькихъ обмановъ и разочарованій.—Конечно, онъ мало думалъ о перемѣнѣ къ лучшему въ своей личной жизни; жизнь его была уже пройдена, онъ это зналъ; и не о себѣ, и не о своей жизни думалъ онъ,—а о другихъ, молодыхъ, и за ихъ судьбу радовался.

Недбайло все еще сидѣлъ на лежанкѣ, возлѣ печи, когда Семенъ и Гапка пришли домой. Семенъ—лѣтъ двадцати пяти мужикъ средняго роста—казался рядомъ съ высокой и стройной Гапкою значительно ниже своего роста, благодаря необыкновенной ширинѣ всей его фигуры. Широкое молодое лицо его съ голубыми глазами и свѣтлыми, почти бѣлыми усами, едва покрывавшими верхнюю губу, носило выраженіе того особаго спокойствія, какое замѣчается обыкновенно у людей очень сильныхъ. Войдя въ избу, онъ поздоровался съ дѣдомъ, сбросилъ съ себя новую свиту, въ которой онъ ходилъ въ церковь, надѣлъ дырявый, старый кожухъ и тотчасъ вышелъ во дворъ, чтобы гнать воловъ на водопой.—Гапка принялась хлопотать по хозяйству; наносила дровъ къ печи и отправилась доить овецъ; потомъ она воротилась въ избу съ горшкомъ молока въ рукахъ и, поставивъ его на полицу, стала разводить огонь въ печи; сумерки наступали; надо было готовить вечерю.

А на дворѣ въ это время разыгралась настоящая мятель. Вѣтеръ свисталъ по огородамъ и несся широкой деревенской улицею, наметая къ окопамъ сухой, сыпучій снѣгъ. Все кругомъ—дворы, огороды, сараи, плетни—все побѣлѣло отъ снѣга, точно среди зимы.

— Вотъ какъ дѣйствуютъ мартовскія «*планиды*»!—съ назиданіемъ говорилъ Дембко Вошколупъ, высокій, рыжій мужикъ съ маленькими, синими глазками, сидя

— Попъ читалъ, что мы всѣ сдѣлаемся *обывателями*, — проговорилъ Ладымiръ Полищукъ.

— Такъ ли это?...—съ сомнѣнiемъ въ голосѣ, переспросилъ Никола.

— Я помню *добре*... Еще помню впереди, недалеко отъ меня стоялъ становой. Какъ дошелъ попъ до этого мѣста, а я и смотрю на становою; вижу — слушаетъ и онъ, молчитъ... Ну, думаю себѣ, значитъ правда, становой слышитъ и молчитъ... Да можетъ быть и вы, Юзько, слышали?—обратился Ладымiръ съ вопросомъ, поворачивая лицо къ сосѣду.

— Слышалъ и я, какъ попъ говорилъ, что всѣ люди сдѣлаются *обывателями* — казаками станутъ, — подтвердилъ Юзько Билоконь.

— Вы добре помните это,—допытывался Никола.

— Помнимъ,—повторили и Юзько, и Ладимiръ.

— Вотъ же, люди добрые, и я слышалъ!...—воскликнулъ тогда Никола — что же это такое?... Земля, выходитъ, будетъ наша, а не графская?!..

— Отъ графа царь землю отниметъ и отдастъ людямъ,—категорически заявилъ Юзько.

— Такъ... Что же потомъ попъ барабанилъ намъ о какихъ то *повинностяхъ*?... Развѣ мы должны будемъ еще работать на пана графа?!... Ничего не разберу! — недоумѣвалъ Никола, посматривая на дѣда.—Люди сдѣлаются *обывателями*... Конечно, такимъ, какъ графъ ни одинъ изъ насъ не сдѣлается. — Ну, а такимъ, какъ въ Ставищахъ обыватель Венцславскiй — такимъ всякiй изъ насъ сдѣлается, когда раздѣлятъ между нами поровну всю графскую землю.

Селенiе Ставищи, находившееся по сосѣдству съ Горанами, было мелкопомѣстное и Венцславскiй, былъ тамъ однимъ изъ самыхъ маленькихъ панковъ или «обывателей», какъ ихъ называли.

— Это вы вѣрно говорите, Никола, — замѣтилъ Юзько.

— О какихъ же это *повинностяхъ* брехалъ попъ?... Ни пришить, ни прилатать одного къ другому!... И Середюкъ, что бы показать наглядно, какъ это — по его мнѣнiю—нельзя было ни пришить, ни прилатать, протянулъ руку впередъ и задвигалъ ею: сначала ладонью вверхъ, а потомъ внизъ. — Вы, Юзько, какъ

думаете обо всемъ этомъ?—спросилъ онъ, устремляя на сосѣда свои черные, пытливые глаза.

Юзько легонько кашлянулъ, задвигался на скамьѣ и отвѣтилъ:

— Я думаю, что будетъ казачина, Никола!

— Два года, Никола... *Повинности* на графа будемъ отбывать только два года,—вставилъ, наконецъ, свое замѣчаніе дѣдъ Недбайло.

Никола задумался... Въ избѣ наступило молчаніе... Слышно было какъ за окномъ шипѣло и мело сухимъ снѣгомъ.

— Два года... Такъ и въ манихвестѣ царскомъ написано... Развѣ вы не помните, люди добрые, какъ попъ читалъ?— прошепелявилъ дѣдъ...

— Я слышалъ... Помню...—тихо сказалъ Никола.

— Казачина... великое дѣло... трудно сразу сдѣлать...—пояснялъ старикъ. — Раньше весны мѣрить земли нельзя: снѣгъ, непогода... Вотъ, какъ воетъ на дворѣ... Гдѣ же пойдешь мѣрить въ такую вьюгу?!... А наступитъ весна—пока пріѣдутъ землемѣры, да пока перемѣрютъ и лѣто пройдетъ... Потомъ, нужно же всю эту землю подѣлить на равныя части между людьми... Надо посчитать сколько людей въ селѣ, да не однихъ старыхъ, а и дѣтей; въ одной хатѣ наберется можетъ всего одинъ или двое, а въ другой — семеро... А вотъ у нашего Нечипора Найденюка такъ цѣлыхъ десятеро!... У кого больше дѣтей—тому и земли надо больше дать, чтобы на всякую душу вышло поровну... А потомъ надо провести вездѣ новыя межи, да поставить копцы по границамъ, да закопать столбы... А потомъ лѣсъ... И съ лѣсомъ много работы... Ну, лѣсъ не будутъ дѣлить на части; лѣсъ пойдетъ на всю громаду... А все же его нужно обмѣрить и вездѣ столбы повбивать, что бы не въоривались въ лѣсъ, кто будетъ орать подъ лѣсомъ... О-о!... Подумайте только сколько работы!? Да не въ однихъ нашихъ Горанахъ, а и въ Ставищахъ, и по всѣмъ другимъ селамъ... Вездѣ нужно... Вездѣ люди ждутъ... Такъ и пройдетъ два года. И вотъ, пока что будетъ, мы должны терпѣливо ждать и трудиться въ потѣ лица, какъ до сихъ поръ трудилися... Такъ и въ царскомъ манихвестѣ написано...

— И на графа мы должны работать?...—спросилъ

и примащиваясь какъ бы заснуть. Но сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Незамѣтно и постепенно онъ погрузился въ то особое состояніе не сна и не бодрствованія, а чего-то средняго между ними, когда время тянется убійственно медленно, все внутри человѣка щемитъ, ноетъ, и къ утру онъ чувствуетъ себя такимъ разбитымъ и усталымъ, точно всю ночь напролетъ тяжело проработалъ. Дѣдъ ворочался на печи, вздыхалъ, крестился, какъ вдругъ внезапно посреди свиста и воя мятели онъ услышалъ сзади избы какой-то трескъ. Быстро, на сколько годились для этого его старыя ноги, онъ слѣзъ съ печи, набросилъ на себя кожухъ, надѣлъ сапоги на босыя ноги и безъ шапки вышелъ на дворъ. Съ трудомъ перебрелъ онъ черезъ гору снѣга, наметенную къ стѣнѣ, и достигъ пе｣слаза. Перебравшись въ садъ, онъ обошелъ кругомъ ｉзбы и здѣсь натолкнулся на что-то лежавшее ему на дорогѣ. Было темно; старые глаза его ничего не могли различить; только кое гдѣ по сторонамъ бѣлѣлъ снѣгъ; съ этой стороны избы его почти не было: вѣтеръ сдулъ... Мерзлая земля была тверда какъ камень. Дѣдъ наклонился и сталъ ощупывать руками... Нѣкоторое время онъ кряхтѣлъ, сопѣлъ и вдругъ изъ его груди вырвался вопль. Слыша этотъ вопль можно было подумать, что его зашибло чѣмъ нибудь въ эту минуту. Старая яблоня, стоявшая сзади избы, оказалась сломана вѣтромъ, и упала какъ разъ въ томъ направленіи, гдѣ стояло деревцо посаженное Гапкою. «Боже!»—шепталъ дѣдъ, силясь высвободить молодую щепу, нажатую сверху толстыми, сухими вѣтвями. Онъ со всей силы уперся руками въ лежавшую яблоню и кое-какъ ему удалось немного сдвинуть ее съ мѣста; но нащупавъ деревцо, пригнутое къ самой землѣ, скоро замѣтилъ, что оно сломано было у самаго корня. «О, Боже!»—съ отчаяніемъ шепталъ дѣдъ. Кожухъ, наброшенный сверху, свалился, съ его плечъ на землю и сильный, холодный вѣтеръ врывался ему за пазуху, надувая какъ парусъ его бѣлую изъ толстаго полотна рубаху. Дѣдъ не чувствовалъ холода и словно надъ умиравшею Гапкою хлопоталъ надъ сломаннымъ деревцомъ; но спасти его уже было невозможно. Онъ долго надъ нимъ копался; наконецъ, весь измаявшись, поднялъ съ земли свой задубѣвшій кожухъ и побрѣлъ въ избу...

Когда онъ добрался обратно до избы, то у него зубъ на зубъ не попадалъ отъ холода. Онъ сѣлъ на лежанку и прислонился спиною къ печкѣ.

— Батько, гдѣ вы такъ долго были?... — вдругъ спросила его Гапка.

— Ты не спишь?...

Она ничего не отвѣтила и дѣдъ, помолчавъ немного, проговорилъ:

— Подойди ко мнѣ, моя дытина!

Она быстро поднялась на ноги и подошла къ отцу.

— Это — ты.... — шепталъ онъ, ощупывая ее за плечи своею холодной рукою.

— Можетъ раздуть огонь?...—тревожно спросила та, чувствуя, что съ ея отцомъ творилось нѣчто необычное.

— Нѣтъ, не надо... Онъ ощупью добрался рукою до ея головы и принялся гладить ее по головѣ. Нѣкоторое время онъ сидѣлъ молча, потомъ сказалъ: — «я скоро умру, Гапка.»

Гапка задрожала.

— Эге, умру... Я знаю это... Я уже старый...

Гапка стояла возлѣ отца, нагнувъ голову и вся дрожала.

— Я умру, а ты, мое дитятко, долго-долго живи!...

Дѣдъ все время гладилъ рукою ея голову.

— Иди спать, доня,—проговорилъ, наконецъ, онъ и перекрестилъ ее сверху. — Пусть Богъ милосердный пожалѣетъ тебя.

Она, молча, пошла на свое мѣсто, а дѣдъ, кряхтя, взобрался на печь, легъ и въ избѣ опять все затихло; только слышно было, какъ вѣтеръ шумѣлъ за окнами.

II.

Но бури проходятъ, и за ними наступаютъ ясные дни. Такъ и въ этотъ разъ — вскорѣ наступило теплое время; на сѣверъ потянули журавли, оглашая окрестности крикомъ. Не одинъ горанскій паробокъ или дивчина, закинувъ голову вверхъ, долго и пристально вглядывались въ синее небо; круканье журавлей такъ было отчетливо слышно, что съ трудомъ вѣрилось, что бы это кричали вонъ тѣ черные крестики, вытя-

нувшіеся въ линію и едва замѣтные на синемъ небѣ. Журавли высоко летѣли — это предвѣщало хорошую погоду. Природа ожила, — проснулась. Тысячи различныхъ голосовъ раздавались отовсюду. Въ поляхъ зеленымъ ковромъ стлалась озимая рожь и пшеница и со всѣхъ сторонъ неслись трели жаворонковъ, быстро трепещущихъ крылышками и поднимающихся вверхъ. По временамъ заяцъ, вспугнутый работающимъ въ полѣ мужикомъ, мчался по зеленямъ, плотно прижавъ уши къ сѣрой спинѣ и взрывая влажную, мягкую почву прыжками. Или быстро пролетала перепелка надъ самой землей, или пара дикихъ голубей, державшихъ направленіе къ черному лѣсу, гдѣ жизнь кипѣла еще сильнѣе, чѣмъ въ полѣ. На мокрой лѣсной почвѣ, съ которой только что стаялъ снѣгъ, появились цвѣты и птицы копошились по деревьямъ, еще не успѣвшимъ одѣться въ листья, разыскивая укромныя мѣста для своихъ гнѣздъ. Черешни по всему лѣсу вотъ-вотъ готовы были разцвѣсти... Въ верховьи пруда, окруженнаго лѣсомъ, въ густомъ камышѣ—кричали маленькія птички «очеретянки», чортовы курочки, дергачи... А надъ всѣмъ этимъ вверху разстилалось ясное небо съ весеннимъ солнцемъ, заливающимъ все своими яркими лучами. Оно проникало и между зеленыхъ стебельковъ ржи на полѣ, согрѣвая жаворонка, сидящаго на сырой землѣ, — достигало и до самаго дна Горановскаго пруда, будя лягушекъ отъ зимней спячки. Лягушки появились у береговъ, грѣли свои круглыя морды, выставивъ ихъ на солнце, прыгали одна на другую, страшно квакали, и въ концѣ концовъ, спѣлись и составили общій хоръ. Ночью, когда выходилъ изъ своей избы во дворъ горанскій крестьянинъ — онъ слышалъ несмолкаемый хоръ, несшійся съ пруда:—это отрывистое кваканье тысячи лягушачьихъ голосовъ, отъ которыхъ дрожалъ воздухъ.

Крестьяне выпустили изъ хлѣвовъ скотину. Овцы, коровы, телята — орали на всѣ голоса, выходя изъ воротъ на широкую улицу, залитую солнечнымъ свѣтомъ. Громадскій пастухъ въ старой, рваной свитѣ и въ «*постолахъ*», съ мѣшкомъ перевязаннымъ черезъ лѣвое плечо и съ длинной, оканчивающейся набалдашникомъ, палкою въ правой рукѣ, погналъ *череду* въ поле. Въ крестьянскихъ дворахъ показались, выта-

щенные изъ сараевъ, плуги, бороны, рала... Раздавался стукъ топоровъ и шипѣнье пилы... Вставляли выпавшіе зубья въ бороны, чинили возы. Въ сельской кузницѣ съ разсвѣта до поздней ночи толпился народъ... Кто поправлялъ и натачивалъ лемешъ къ плугу, кто наставлялъ топоръ... Всѣ готовились къ полевымъ работамъ.

Въ воскресенье, часу въ десятомъ утра — управляющій графа панъ Зайончекъ, заложивъ руки за спину, ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету; онъ прогуливался... Это былъ лѣтъ пятидесяти мущина, ниже средняго роста, съ коротко остриженной головой, серебрившейся сѣдиною. — Лицо его было гладко выбрито, кромѣ, конечно, усовъ, торчавшихъ подъ горбатымъ носомъ, который вмѣстѣ съ круглыми глазами какого то табачнаго цвѣта, придавалъ его лицу, совершенно ястребиный характеръ. На письменномъ столѣ, помѣщавшемся у стѣны между двухъ оконъ, лежало нѣсколько книгъ, кучки бумагъ, чернильница, перья и на самомъ видномъ мѣстѣ — развороченныя «Положенія о крестьянахъ» наканунѣ полученныя имъ изъ уѣзднаго города. Подойдя къ окну, управляющій посмотрѣлъ на винокурню, на прудъ, сверкавшій отъ солнца, подобно зеркалу, поворотился и крикнулъ:

— Янко!

У дверей показался молодой, рослый паробокъ въ бѣлой полотняной рубахѣ, расшитой красными нитками на груди. Въ дѣйствительности имя этого паробка было Евтухъ, но пану Зайончеку не нравились «хамскія», украинскія имена и онъ переименовалъ его польскимъ именемъ Янка.

— Позови пана Червинскаго, — сказалъ онъ. — Постой! Подай мнѣ сначала трубку.

Управляющій набилъ трубку табакомъ и приказалъ паробку зажечь спичку. Черешневый чубукъ былъ настолько длинный, что держа одинъ конецъ его во рту — онъ никакъ не могъ достать рукою до своей трубки, и потому, чтобы зажечь ее, принужденъ былъ всегда обращаться къ посторонней помощи. Евтухъ поднесъ зажженную спичку. Управляющій потянулъ; пламя вздрогнуло, опрокинулось и табакъ задымилъ. Паробокъ ушелъ звать Червинскаго, а панъ съ трубкой въ

рукахъ опять принялся ходить по кабинету изъ угла въ уголъ.

Зайончекъ — хотя по виду и походилъ на ястреба, но въ дѣйствительности далеко не былъ злымъ человѣкомъ и съ крестьянами жилъ въ мирѣ. Большой польскій патріотъ, гордый, проникнутый сознаніемъ своего шляхетскаго достоинства, онъ никогда не дозволялъ себѣ унижаться до мелочныхъ придирокъ и всегда старался стоять на законной почвѣ въ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ графа. Онъ не обременялъ ихъ излишней работой и требовалъ только то, что показано было «Инвентарными правилами», изданными правительствомъ еще въ царствованіи Николая I для Юго-Западнаго края съ цѣлью урегулированія отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными. Въ нерѣдкихъ случаяхъ — даже помогалъ тому изъ крестьянъ, кого постигало несчастіе. И крестьяне, съ своей стороны, относились къ нему сравнительно хорошо. Видя кругомъ злоупотребленія, которымъ подвергались крѣпостные сосѣднихъ помѣщиковъ, Горанцы признавали достоинства пана Зайончека и уважали его.

Но съ момента объявленія *воли* отношенія перемѣнились. Почувствовавъ независимость, крестьяне начали съ того, что при встрѣчахъ съ управляющимъ перестали ему кланяться и особенно какъ-то вызывающе-злобно смотрѣли ему въ глаза. Царь былъ за нихъ, какъ они думали, и имъ нечего было теперь бояться пана. На лицахъ ихъ, рабски-покорныхъ передъ тѣмъ, вдругъ появилось такое выраженіе, словно они ожидали только минуты, когда уберутся изъ ихъ села управляющій, экономы и служащіе при винокурнѣ, и оставятъ въ ихъ полное завѣдыванье все: и поля, и лѣса, и даже винокурню.

У пана Зайончка, съ другой стороны, родилось страстное желаніе согнуть крестьянъ въ бараній рогъ и онъ — изъ злобы, развившейся въ немъ вслѣдствіе уязвленнаго самолюбія (его интересы, какъ управляющаго, были рѣшительно не при чемъ), конечно, закрѣпостилъ бы ихъ обратно, уничтоживъ даже самыя «Инвентарныя Правила», если бы только это отъ него зависѣло. Вражда, рѣзко проявившаяся тотчасъ послѣ объявленія манифеста, росла съ обѣихъ сторонъ не-

имовѣрно быстро и, казалось, готова была каждую минуту перейти въ открытую борьбу.

— А-а!.. Панъ Червинскій! — воскликнулъ управляющій, завидѣвъ входившаго въ кабинетъ громаднаго роста, широкоплечаго мущину въ высокихъ сапогахъ и пиджакѣ изъ желтаго верблюжьяго сукна.

Экономъ поклонился. Зайончекъ подошелъ и протянулъ ему руку. Со дня манифеста, читаннаго въ сельской церквѣ, у управляющаго съ своими подчиненными экономами установились почти что товарищескія отношенія. А можетъ быть этому способствовали и свѣдѣнія, получаемыя имъ изъ Варшавы, гдѣ настроеніе умовъ дѣлалось неспокойнымъ и со дня на день отношенія къ русскому правительству обострялись; тамъ готовилось *повстанье.*

— Садитесь, пане Червинскій.

Шляхтичъ сѣлъ. Вынувъ изъ кармана пиджака цвѣтной платокъ, онъ вытеръ имъ свое загорѣвшее, потное лицо, провелъ пальцами правой руки по густымъ, темнымъ усамъ и, устремивъ глаза на стоявшаго передъ нимъ управляющаго, приготовился слушать.

— Что слышно въ селѣ?... Что мужики говорятъ? — спросилъ тотъ, отставляя черешневый чубукъ ото рта и пуская густую струйку дыма.

— Ждутъ казачины, вельможный панъ! — какъ изъ трубы прогремѣлъ Червинскій.

— Казачины?... А работать не отказываются?... — проговорилъ Зайончекъ, принимаясь снова ходить по комнатѣ.

— Пока нѣтъ. Вчера я *выгонялъ* на работу... Вышли, заволочили овесъ... Но я думаю, что скоро не захотятъ больше работать на экономію.

— Почему это вы думаете? — спросилъ управляющій, останавливаясь противъ эконома. Круглая, подстриженная подъ гребешокъ голова его находилась почти на одномъ уровнѣ съ головою сидѣвшаго на стулѣ великана.

— Они ждутъ, что землю дѣлить будутъ, — отвѣтилъ экономъ.

Панъ Зайончекъ, собиравшійся въ эту минуту потянуть изъ трубки и съ этой цѣлью уже совсѣмъ при-

близившій было черешневый чубукъ къ своему рту, тутъ остановился какъ вкопанный...

— Какъ это — дѣлить?!... Какія земли? — воскликнулъ онъ.

— Всѣ земли пана графа... Говорятъ, что царь отберетъ отъ ясновельможнаго пана графа весь *майонтекъ* и отдастъ его *хлопамъ*.

Собесѣдники, все время разговаривавшіе на польскомъ языкѣ, тутъ оба замолчали и въ кабинетѣ наступила тишина.

— Такъ вотъ какъ!... — съ разстановкой произнесъ, наконецъ, Зайончекъ, уставивъ въ эконома свои круглые глаза табачнаго цвѣта...

— Откуда у нихъ явилась эта дикая мысль?!...

— Да, вельможный панъ, ожидаютъ, что всю землю графскую и поля, и лѣса подѣлятъ между ними, — повторилъ тотъ такимъ же спокойнымъ тономъ, какъ если бы сообщалъ о томъ, что въ Горанскомъ лѣсу уже зацвѣли черешни. — Дѣдъ Недбайло объ этомъ только и говоритъ; да и другіе за нимъ повторяютъ. — добавилъ Червинскій.

— Любопытныя вѣсти... Любопытныя вѣсти...—замѣтилъ про себя Зайончекъ и, поворотившись, медленно пошелъ въ уголъ комнаты.

— Это тотъ высокій старикъ?—припоминалъ онъ, стоя въ углу спиною къ эконому и выбивая золу изъ трубки.

— Я его знаю... Онъ мнѣ давно уже не нравился... Очень много думаетъ о себѣ этотъ *хлопъ*... Ну-ну, посмотримъ...

Потомъ управляющій круто поворотился къ эконому и вдругъ громко сказалъ:

— Вотъ что: объявите мужикамъ, пане Червинскій, что бы они собрались ко мнѣ во дворъ; я имъ прочту «Положенія», присланныя изъ уѣзднаго города... Землю дѣлить?... Хамово отродье!

— Когда вельможный панъ прикажетъ имъ собраться?—спросилъ экономъ, поднимаясь со стула.

— Завтра... Прощайте, пане Червинскій! — говорилъ Зайончекъ, пожимая тому руку и провожая его до дверей кабинета. — Да прикажите мужикамъ, что бы пришли пораньше.

Выйдя отъ управляющаго, Червинскій направился

къ корчмѣ, что бы передать тамъ кому либо изъ крестьянъ то, что ему поручили. Такъ какъ дѣло шло не о «паньщинѣ», на которую приходилось выгонять всякаго мужика въ отдѣльности, а о дѣлѣ интересующемъ всѣхъ, то поэтому Червинскій вполнѣ справедливо рѣшилъ, что ему нѣтъ никакой необходимости оповѣщать всѣхъ крестьянъ, а достаточно будетъ сообщить только двумъ-тремъ изъ нихъ.

Въ корчмѣ — низкомъ, разсѣвшемся деревянномъ зданіи, съ большимъ такъ называемымъ «*подсѣньемъ*», куда заѣзжали проѣзжающіе съ телѣгами и лошадьми на ночь, сидѣло нѣсколько человѣкъ крестьянъ. Былъ воскресный день, въ церкви уже отошла обѣдня и слѣдовательно безъ грѣха можно было выпить. Крестьяне сидѣли за длиннымъ, дубовымъ столомъ, сильно почернѣвшемъ отъ времени и громко разговаривали между собою, подчуясь изъ одной рюмки, переходившей по очереди отъ одного къ другому, которую они то и дѣло доливали изъ бутылки, стоявшей по серединѣ стола.

Дембко Вошколупъ, бывшій уже навеселѣ, размахивалъ руками и громче другихъ разсуждалъ; онъ былъ очень возбужденъ.

— Вы, Яковъ, вспомнили здѣсь о Николѣ Середюкѣ, — говорилъ онъ. — Вы не глядите на то, что Никола маленькій и сухой. Сколько насъ тутъ есть — всякій крѣпче Середюка, а ни одного такого разумнаго, какъ онъ! Это я вамъ правду говорю...

— А кто же вамъ сказалъ, Дембко, что это правда?— насмѣшливо спросилъ Яковъ.

— Кто мнѣ сказалъ?...—Дембко откинулся назадъ и на его рыжемъ лицѣ синіе глазки блеснули лукавой усмѣшкой.—Мнѣ, Якове,—не надо, что бы кто говорилъ. Слава Богу—*не мала дытына*...

— Какая же вы дытына, когда у васъ у самаго есть дѣти,—проговорилъ Яковъ.

— Что же тутъ дурного, Якове, что у меня есть дѣти?! И жена есть, и дѣти, — обидчиво возразилъ Дембко.

— Вотъ, замолчите лучше, Дембко, панъ Червинскій идетъ,—замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

Но Дембко обидѣлся и совсѣмъ ужъ не хотѣлъ замолчать.

— А мнѣ что, панъ Червинскій?! — проговорилъ онъ,—панъ Червинскій экономъ, и больше ничего! Что же мнѣ можетъ сдѣлать экономъ? Я его не боюсь... Я казакъ; а казакъ, говорятъ, не боится ни тучи, ни грому... Мы всѣ теперь казаки... Развѣ же не такъ, пане Червинскій?...—вдругъ обратился онъ къ эконому, мѣняя тонъ изъ обидчиваго на нѣсколько торжественный. — Скажите здѣсь имъ всѣмъ, пане Червинскій, что бы всѣ они слышали—правду я говорю или нѣтъ?

— Правду, правду говоришь, казаче! — загудѣлъ ему въ отвѣтъ Червинскій, подходя къ столу. — Но вотъ что, люди добрые!—и онъ положилъ свою огромную, мускулистую руку на плечо одного изъ крестьянъ.—Изъ уѣзда пришла бумага до пана управляющаго и онъ зоветъ васъ всѣхъ, что бы вы собрались къ нему во дворъ: будетъ читать. Объявите объ этомъ людямъ.

— Какая бумага?—спросилъ Яковъ.

Крестьяне, сидѣвшіе за столомъ примолкли и съ серьезнымъ вниманіемъ посмотрѣли на эконома. Даже пьяное лицо рыжаго Дембка приняло какое то задумчивое выраженіе.

— Бумагу привезъ помощникъ становаго пристава.

— А не знаете, пане Червинскій, что это за бумага? — вторично спросилъ Яковъ и въ его голосѣ прозвучала просьба.

— Кто ее знаетъ! Такъ не забудьте—завтра! Да приходите пораньше...

Экономъ поворотился, подошелъ къ большому прилавку на которомъ стояла бочка съ краномъ, и потребовалъ водки. Еврей — корчмарь, старый невзрачный человѣчекъ, подалъ ему стаканъ водки, которую тотъ залпомъ опрокинулъ себѣ въ ротъ, вытеръ усы рукою и, расплатившись, направился къ дверямъ.

Въ корчмѣ за столомъ нѣкоторое время царило молчаніе.

— Какая бы это была бумага?—прервалъ тишину Дембко; и потомъ, оглядывая съ поднятыми бровями собесѣдниковъ, вопросительно добавилъ: — можетъ это уже землю дѣлить будутъ?!

— Такой бумаги не послали бы управляющему, а попу, — возразилъ на это другой. — Не посылали же

управляющему царскаго манихвеста?... Попъ намъ его читалъ въ церкви.

— Это правда, — подтвердилъ Яковъ. — Бумага, видно о чемъ то другомъ, а о чемъ—Господь её знаетъ! Завтра услышимъ.

Крестьяне опять замолкли.

— И зачѣмъ это бумаги посылаютъ пану? Что для насъ панъ?—загорячился Дембко,—тьфу! —и онъ съ ожесточеніемъ плюнулъ на полъ. — Попу надо посылать, а не пану управляющему! Попъ будетъ намъ все читать.

— Эге, васъ, Дембко, не спросили объ этомъ, — замѣтилъ Яковъ.

— Что же, развѣ я не правду говорю, Яковъ? — отвѣтилъ Дембко вопросомъ на его замѣчаніе.

— Да правду,—только... и Яковъ фразы не окончилъ.

Послѣ небольшой паузы, Дембко оглядывая присутствующихъ, уныло проговорилъ:

— И о чемъ это можетъ быть написано въ той бумагѣ? Вы какъ думаете, Якове? Или вы, Нечипоре?

Но ни Яковъ, ни Нечипоръ ничего не отвѣтили и продолжали сидѣть за столомъ молча. На ихъ лицахъ, какъ и на лицахъ остальныхъ присутствовавшихъ крестьянъ, выражалась забота и недоумѣніе. Видимо, тотъ же мучительный вопросъ, который такъ сильно волновалъ Дембко, вертѣлся въ головѣ каждаго изъ нихъ.

— Не пойти ли намъ къ Николѣ? Разсказать бы ему обо всемъ... Можетъ онъ, что нибудь придумаетъ? — замѣтилъ Дембко, озабоченнымъ тономъ.

— Эхъ, Дембко, Дембко!...—воскликнулъ Нечипоръ Найденюкъ, до сихъ поръ молчавшій... — Что вы разносились съ этимъ Николою, какъ чортъ съ бубномъ, Господи прости меня грѣшнаго!? Никола, да Никола!... Не одному Николѣ Середюку, а всѣмъ надо сказать!... Вотъ, лучше не будемъ терять времени, добрые люди,— пойдемъ!

Крестьяне расплатились и вышли изъ корчмы.

На слѣдующій день лишь только солнце выглянуло изъ за лѣса и его золотистые лучи, пронесшись надъ прудомъ, укутанномъ въ туманъ, ярко озарили деревню раскинувшуюся на противуположной горѣ, крестьяне стали собираться во дворъ управляющаго.

Косые лучи солнца еще слабо грѣли и люди вздрагивали отъ утренней прохлады; въ бурыхъ свитахъ, съ высокими шапками на головахъ, они входили въ ворота и, въ ожиданіи пока проснется панъ, размѣщались по угламъ обширнаго двора. Внизу, надъ самымъ прудомъ стлался, скрывая его отъ глазъ, густой, бѣлый туманъ, а надъ туманомъ виденъ былъ лѣсъ, росшій за прудомъ на горѣ; и казалось будто тотъ лѣсъ висѣлъ въ воздухѣ. Нѣсколько человѣкъ крестьянъ, среди которыхъ былъ Дембко Вошколупъ и Ладыміръ Полищукъ, усѣвшись на дубовыхъ колодахъ, лежавшихъ возлѣ сарая, тихо между собою бесѣдовали. По двору, гдѣ зеленѣла молодая травка, прогуливалось стадо индѣекъ въ сопровожденіи огромнаго индѣйскаго пѣтуха, загнувшаго крючкомъ голову, какъ старая уланская лошадь на мундштукѣ. Поднявъ хвостъ вѣеромъ и распустивъ крылья, индюкъ, принявшій, такимъ образомъ, форму клубка, страшно семенилъ ногами и поворачивался то въ одну, то въ другую сторону, постоянно наскакивая на низко опущенные, широкіе хвосты своихъ подругъ.

Дембко, слѣдившій нѣкоторое время за индюкомъ, не удержался и засвисталъ; индюкъ поднялъ неистовый крикъ: свистъ его раздражалъ; отъ гнѣва вся его голова посинѣла... На широкомъ, рыжемъ лицѣ Дембка заиграла улыбка.

— Поганая, некрасивая птица!—проговорилъ Ладыміръ. — Голова какъ у змѣи; и злая такая же, какъ змѣя... А какая она вкусная — жареная!... Одинъ разъ приходилъ я сюда чистить конюшни и паробокъ вынесъ мнѣ кусочекъ... Ну, и вкусная же, скажу вамъ!... Съѣлъ и облизался!

— Вотъ бы человѣку такъ, какъ этимъ индюкамъ?!...—Замѣтилъ Дембко.

— А что?

— Добре имъ: ѣда вездѣ подъ ногами...

— Э, сказали!...

Ладыміръ замолчалъ; но потомъ, поворотившись къ Дембкѣ проговорилъ:

— А знаете, кому лучше всѣхъ на свѣтѣ?

— Ну?—спросилъ Дембко, устремляя на него свои любопытные, синіе глазки.

— На свѣтѣ лучше всѣхъ: пану, коту и попу —

ѣдятъ, что имъ вздумается... Спятъ — сколько захотятъ!... И теперь вонъ, подумайте, сколько времени уже прошло, какъ засвѣтило солнце; уже и припекать начинаетъ... — Ладымiръ, щурясь, посмотрѣлъ на солнце. Мы въ эту пору уже не разъ вытремъ себѣ вспотѣвшiй отъ работы чубъ, а нашъ панъ—все спитъ!... Вотъ также и котъ: лежитъ на припечкѣ, свернувшись клубочкомъ; тепло ему тамъ... Потомъ встанетъ, вытянется, потруситъ лапками на всѣ четыре стороны, зѣвнетъ такъ, что чуть себѣ рта не раздеретъ и замяукаетъ... Это онъ уже ѣсть проситъ... Глаза совсѣмъ позакисаютъ у него отъ сна,—а ему и горя мало.

— Это вы правду, Ладымiре, говорите... Также и попу добре. Не даромъ говорятъ: мышь въ стогу, а попъ въ селѣ никогда не загинутъ,—замѣтилъ Дембко.

— Попу?!—воскликнулъ Ладымiръ.—Попу совсѣмъ добре!... Какъ нанесутъ ему люди кнышей да поляницъ, такъ и дѣвать некуда! Хоть свиней корми поляницами!... Ну, а все же таки, скажу вамъ, лучше всѣхъ пану... Земли у пана много. Посмотрите туда,— продолжалъ Ладымiръ, указывая рукою по направленiю къ пруду и лѣсу,—какое приволье!... Какая роскошь!... Тутъ бы поставить хату!... Солнышко прямо въ оконцы свѣтило бы... Въ хатѣ весело... А надоѣло въ хатѣ, пошелъ къ водѣ—рыбку половить... А потомъ въ лѣсъ. Любо да мило жить въ такомъ мѣстѣ!...

— И намъ будетъ добре,—замѣтилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

Въ сѣрыхъ глазахъ Полищука промелькнуло, что то въ родѣ сомнѣнiя и онъ отвѣтилъ поговоркою:

— Что было, то мы уже видѣли, а что будетъ — то поживемъ, увидимъ.

— А вотъ и Никола съ дидомъ идутъ,—проговорилъ въ эту минуту Дембко.

Дѣйствительно, Недбайло въ сопровожденiи Середюка, шелъ по двору, опираясь на палку. Дойдя до сарая, гдѣ сидѣли крестьяне, онъ остановился и проговорилъ:

— Помогай Богъ!

— Добраго здоровья диду!—отозвалось нѣсколько голосовъ.

Нѣкоторые при этомъ дотронулись руками до своихъ бараньихъ шапокъ, другiе привѣтствовали только словами.

Недбайло, кряхтя, опустился на колоду и медленно обвелъ глазами присутствующихъ. Его полу - сѣдыя брови, нависшія надъ глазами, казалось, въ ту минуту нависли болѣе обыкновеннаго и это придавало его старому, сморщенному лицу съ сѣдой бородой и усами весьма суровое выраженіе. Бѣлые волосы выбивались длинными клоками изъ подъ черной бараньей шапки. Онъ былъ одѣтъ въ кожухъ.

— Вчера передъ вечеромъ ходилъ я въ полѣ,— проговорилъ Нечипоръ Найденюкъ, сидѣвшій сбоку дѣда,—жита какъ на дрожжахъ растутъ!... Видѣлъ и вашу ниву, диду:—жито раскустилось и такое густое стало, что ноги некуда продвинуть...

— Слава Господу Богу!—отвѣтилъ тотъ...

— Не мѣшало бы дождика,—замѣтилъ Никола.

— О, не мѣшало бы!... Не мѣшало...—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Эге... А дождя-то и нѣтъ,—вставилъ дѣдъ свое замѣчаніе,—посмотримъ, какъ мѣсяцъ май покажетъ: будутъ перепадать дожди—добре, а не будутъ...—Онъ не окончилъ фразы и зажевалъ губами, точно доканчивалъ ее про себя.

— Можетъ царь небесный не оставитъ насъ, грѣшныхъ,—послышался чей то голосъ.

— Можетъ...—Дѣдъ тихо зачесалъ пальцемъ свою правую бровь.

— Только показываетъ на другое,—продолжалъ онъ, — три дня назадъ ходилъ я съ дьякомъ на поповскій хуторъ, глядѣлъ на церковную пасѣку... пчелы—такъ и вьются!... Какъ середи лѣта!... А какія злыя?!... Такъ и напали на насъ!... И черешни вездѣ по лѣсу зацвѣли раньше времени... Страшно, какъ бы не было засухи.

Между тѣмъ на крыльцѣ показался панъ Зайончекъ. Крестьяне задвигались по двору и стали скучиваться возлѣ дома управляющаго... Съ улицы каждую минуту подходили новые; толпа росла. Зайончекъ стоялъ по срединѣ крыльца, разставивъ въ стороны ноги и, въ ожиданіи пока успокоится толпа, осматривалъ лица крестьянъ... Впереди другихъ, прямо противъ себя онъ увидѣлъ высокую, немного сгорбленную фигуру дѣда Недбайла, съ шапкою на головѣ, опиравшагося обѣими руками на палку,—и онъ почувство-

валъ какъ кровь прилила ему въ голову... Однако, управляющій овладѣлъ собою и, стараясь казаться спокойнымъ, обратился къ толпѣ съ слѣдущими словами:

— Хочу вамъ, добрые люди, прочитать *«положенія»*... Здѣсь, въ этой бумагѣ—онъ потрясъ рукою, въ которой держалъ «положенія»,—здѣсь обо всемъ есть: и о землѣ, и о повинностяхъ, какія вы обязаны отбывать на графскую экономію...

Мужики зашумѣли. Переступая съ ноги на ногу они всѣ разомъ о чемъ то заговорили, но о чемъ— трудно было разобрать.

— Постойте, люди добрые!... Положенія эти мнѣ прислали изъ города... Не я же ихъ писалъ; ихъ издалъ царь, все равно какъ и манифестъ, который читали вамъ въ церкви.

— Эге... царь...—послышался изъ толпы голосъ Дембка. Дембко сильно сомнѣвался, что бы царская бумага могла попасть въ руки пана Зайончека. По мнѣнію его, всѣ бумаги отъ царя должны были проходить черезъ руки священника.

— Послушайте, сначала я почитаю, а затѣмъ потолкуемъ.

— Т-с-с-съ!... послушаемъ бумагу...—пронеслось по толпѣ.

— Крѣпостное право,—началъ управляющій чтеніе перваго пункта *положеній*—на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ земляхъ, и на дворовыхъ людей отмѣняется навсегда въ порядкѣ, указанномъ въ настоящемъ положеніи и въ другихъ вмѣстѣ съ онымъ изданныхъ положеніяхъ и правилахъ... На основаніи сего положенія и общихъ законовъ, — читалъ Зайончекъ второй пунктъ,—крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, предоставляются права состоянія свободныхъ, сельскихъ обывателей...

Крестьяне вновь задвигались и зашумѣли.

— Слышите, Никола?...—проговорилъ въ эту минуту Юзько, понявшій это мѣсто такъ, что крѣпостные сдѣлаются помѣщиками, т. е. обывателями.

— Я же вамъ говорилъ?!—раздался чей то возгласъ... Но что *говорилъ*—осталось невыясненнымъ.—Нужно предполагать однако, что дѣло касалось того же зло-

получнаго слова *обыватель* такъ неправильно истолкованнаго горанскими крестьянами.

Никола Середюкъ, стоявшій въ толпѣ возлѣ Юзька, ничего не отвѣтилъ ему, только слегка кивнулъ головой. Онъ весь превратился во вниманіе; но какъ ни напрягалъ своихъ способностей этотъ, несомнѣнно, умный человѣкъ, онъ также мало понималъ «положенія», какъ Юзько или Дембко... Написанныя *казеннымъ* языкомъ (такой странный языкъ существуетъ у насъ въ Россіи!), переполненнымъ дѣепричастіями и причастіями, и уснащенный всевозможными вышедшими изъ употребленія словами, съ длинными-предлинными періодами, отъ которыхъ духъ захватывало, — знаменитыя «положенія» мало понятными были даже для великоросовъ... Для украинцевъ же они оказались настоящею тарабарскою грамотою.

— Т-с-с!—шипѣли мужики...

— Не мѣшайте; слушайте!...—говорилъ управляющій и продолжалъ чтеніе второго пункта.—Въ пользованіе сими правами они вступаютъ тѣмъ порядкомъ и въ тѣ сроки, какіе указаны въ правилахъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ и въ особомъ положеніи о дворовыхъ людяхъ.

— Началъ добре, а кончилъ чортъ знаетъ какъ!... —тихо замѣтилъ своему сосѣду Ладымірѣ Полищукъ. —То говорилъ объ обывателяхъ, а то вдругъ свелъ на дворовыхъ людей!... Одно къ другому совсѣмъ не подходитъ...

— Ничего я не могу разобрать, что онъ тамъ читаетъ,—проговорилъ чистосердечно Яковъ, обращаясь къ Дембко, голова котораго высоко поднималась надъ толпою.

— Помѣщики,—громко читалъ между тѣмъ управляющій третій пунктъ,—сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ за установленныя повинности въ постоянное пользованіе крестьянъ усадебную ихъ осѣдлость и сверхъ того для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками, то количество полевой земли и другихъ угодій, которое опредѣляется на основаніяхъ, указанныхъ въ «мѣстныхъ положеніяхъ».—Крестьяне,—читалъ Зайончекъ дальше четвертый пунктъ,—за отведенный, на основаніи пре-

дыдущей статьи, надѣлъ обязаны отбывать въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ мѣстныхъ положеніяхъ повинности работою.

Но тутъ управляющій долженъ былъ пріостановить чтеніе, такъ какъ поднялся сильный шумъ. Толпа заволновалась.

— Какъ видите, люди добрые,—кричалъ Зайончекъ, что бы быть услышанными толпою,—вся земля остается за паномъ графомъ, а вамъ дадутъ только тѣ усадьбы, гдѣ вы теперь живете, да немного полевой земли...

Крестьяне громко между собою разговаривали.

— Майонтка отъ пана графа царь не отниметъ, какъ это думаютъ нѣкоторые изъ васъ,—съ какимъ то особеннымъ злорадствомъ кричалъ Зайончекъ.—И земли не дадутъ даромъ. А захотите имѣть землю, надѣлы, то должны будете работать на графа, какъ и раньше работали...

Мужики шумѣли.

— Мы сами это знаемъ, что два года еще должны работать на графа,—проговорилъ въ эту минуту Недбайло.

Толпа, услыхавъ голосъ дѣда, примолкла.

— Что ты говоришь, старый?... Только два года будете работать на графа?...—переспросилъ дѣда панъ Зайончекъ.

— Эге, два года... Такъ въ царскомъ манифестѣ написано,—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, а потомъ? Когда эти два года пройдутъ?

— Потомъ? А потомъ будетъ то, что Богъ дастъ...—прошамкалъ дѣдъ.

— Нѣтъ, старый, не будетъ такъ, какъ ты думаешь!... Не два, а много лѣтъ будете еще отрабатывать на графа за ту землю, что надѣлятъ вамъ!

— По вашему выходитъ «панщина» остается?!...

— Видно такъ.

— И до какого времени?

— Да мы съ тобою до того времени еще умремъ и своимъ дѣтямъ оставимъ!—Управляющаго сердилъ этотъ старикъ: онъ стоялъ впереди толпы, съ шапкой на головѣ, оперши́сь руками на свою орѣшниковую палку и такъ дерзко смотрѣлъ ему въ глаза, что онъ съ трудомъ себя сдерживалъ.

— Да, мы съ тобою навѣрно умремъ до того времени,—повторилъ управляющій.

— Ну, а *воля* же наша гдѣ? А царскій манифестъ, что читали намъ недавно въ церкви?—шамкая спросилъ Недбайло, глядя прямо въ глаза управляющему.

— Вы теперь вольные, не крѣпостные графа, — отвѣтилъ тотъ.—А вся земля какъ была, такъ и осталась графской... Захотите имѣть надѣлы, должны будете работать на графскую экономію.

— Какъ было до сихъ поръ?

— Ну да! Какъ было до сихъ поръ!... Только до сихъ поръ были «инвентари», а теперь вмѣсто нихъ будутъ эти «положенія».

— Нѣтъ, не такъ!... Не будетъ по вашему!... — Старикъ пожевалъ губами и добавилъ:—вы панъ что то путаете...

— Путаю!! Ахъ ты, поганый хамъ!... Бунтовщикъ!...—воскликнулъ Зайончекъ, сильно покраснѣвъ отъ гнѣва.

— Брешешь!—крикнулъ Недбайло и его сѣдая голова затряслась отъ гнѣва.—Не я бунтовщикъ, а ты! Ты вмѣстѣ съ другими панами, такими какъ самъ, бунтуешь противъ царя!

— Я тебѣ морду разобью!—крикнулъ управляющій, окончательно потерявшій самообладаніе.

Дѣдъ съ ненавистью посмотрѣлъ ему въ глаза и прошипѣлъ въ отвѣтъ:

— Коротки руки, пане! Ваше время прошло!

У пана Зайончка вся кровь отлила отъ лица, и онъ изъ краснаго сдѣлался блѣденъ, какъ мертвецъ. Слова дѣда глубоко уязвили его гордость, и главнымъ образомъ потому, что въ нихъ заключалась правда. Онъ самъ чувствовалъ, что теперь не тѣ времена, что были раньше и что у него дѣйствительно «руки были коротки».

— Хотите, люди добрые, что бы я читалъ вамъ, или не хотите?—обратился онъ къ крестьянамъ, едва сдерживая клокотавшую въ немъ злобу. Голосъ и руки его дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

Мужики закричали и зашумѣли... Нечипоръ Найденюкъ, Яковъ и еще нѣкоторые другіе соглашались слушать «бумагу», какъ горанцы называли «положенія», но большинство было противъ.

— Пусть намъ прочитаетъ бумагу батюшка!—кричали они, и особенно громко кричалъ это Дембко Вошколупъ.

— Мы работаемъ на васъ,—говорилъ спокойно и съ достоинствомъ Никола Середюкъ,—и будемъ еще работать цѣлыхъ два года, какъ въ манихвестѣ царя написано. А что будетъ дальше, какъ мы будемъ жить потомъ на свѣтѣ божьемъ, то наше дѣло... Съ вами объ этомъ говорить не хотимъ.

— Не хотите, чтобы я читалъ, и не надо. Я такъ и начальству напишу.

— Пишите, что хотите! Не надо намъ вашей бумаги!—кричали голоса.

— Пишите, пане, пишите! Не хотимъ васъ слушать! Мы теперь казаки!—громко выдѣлялся голосъ Дембка.

Управляющій ушелъ въ комнаты, а крестьяне гурьбой двинулись къ воротамъ.

— Теперь онъ понапишетъ исправнику всякой всячины,—разсуждали они, выходя изъ воротъ на улицу.— И что это у него за бумага?... Откуда онъ ее взялъ?

— Не слыхали развѣ?... Помощникъ становаго привезъ ему.

— Должно быть это брехня... Вотъ, когда становой привозилъ тогда манихвестъ, такъ онъ же далъ его батюшкѣ, а не этому чорту?!

— А добре ему отбрилъ нашъ дѣдъ! Эге, добре... —разсуждали мужики.

Вскорѣ изъ уѣзда для разъясненія «Положеній» пріѣхалъ въ Гораны какой-то чиновникъ, который читалъ, толковалъ, какъ говорится, «бился съ мужиками» нѣсколько дней и, въ концѣ-концовъ, запутался въ этихъ «Положеніяхъ» до того, что самъ пересталъ ихъ понимать. Безконечныя ссылки отъ пункта къ пункту, отъ одного параграфа къ другому, съ оговорками и поясненіями, затемняющими окончательно смыслъ, — изложенными витіеватымъ языкомъ, — такъ какъ русское правительство считаетъ неприличнымъ говорить къ своимъ подданнымъ простымъ, удобопонятнымъ языкомъ, — все это могло сбить съ толку кого угодно. Чиновникъ уѣхалъ изъ Горанъ ни съ чѣмъ, не придя съ крестьянами ни къ

какому соглашенію, и вмѣсто его появился мировой посредникъ. Посредникъ былъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ и состоялъ въ пріятельствѣ съ управляющимъ. Крестьяне это знали и потому сразу отнеслись къ нему недовѣрчиво. И вотъ, когда онъ принялся толковать имъ, что такое значитъ «временно-обязанный», терминъ часто встрѣчаемый въ «Положеніяхъ» и обозначающій переходное состояніе крестьянъ, не пришедшихъ еще ни къ какому соглашенію съ своимъ помѣщикомъ и остающихся по этому на прежнемъ, —крѣпостномъ положеніи;—когда сталъ убѣждать ихъ поскорѣе прійти къ соглашенію, что бы приступить къ составленію такъ называемой «уставной грамоты», когда дошелъ до разъясненія тѣхъ пунктовъ, гдѣ трактуется объ «издѣльной повинности» въ пользу помѣщика или такъ называемой «барщинѣ», которую должны будутъ отрабатывать крестьяне за надѣлы, полученные отъ помѣщика,—то въ это время одинъ немолодой мужикъ, изъ отставныхъ солдатъ, вдругъ воскликнулъ:

— Барщина!? Люди добрые, да это таже самая «Паньщина», и есть! По нашему «Паньщина», а помосковски—*барщина*... Я это хорошо знаю.

Тогда поднялся невообразимый крикъ; посредникъ, заткнувъ уши, убѣжалъ въ комнату (это было въ домѣ управляющаго), а крестьяне разошлись по домамъ.

Но Горанскіе крестьяне были слишкомъ взволнованы, чтобы сидѣть спокойно по своимъ хатамъ. Въ скоромъ времени корчма, исполнявшая для нихъ роль клуба, оказалась биткомъ набитая народомъ. Черныя, бараньи шапки колыхались изъ стороны въ сторону внутри и внѣ зданія, и гулъ отъ этой толпы несся по всей деревнѣ.

— Какъ же теперь будетъ съ землею?!—кричалъ Дембко, находившійся возлѣ самаго прилавка въ корчмѣ, размахивая своими длинными руками съ такимъ азартомъ, точно онъ шелъ въ драку.

— Ничего, люди добрые, я не разобралъ, что читалъ сегодня мировой,—горланилъ во всю глотку, силясь перекричать шумѣвшую толпу, другой мужикъ такой же высокій, какъ Дембко, но только не рыжій, а черный.

— И чего бы, кажется, кричать — когда не разобралъ?!... Молчалъ бы, да слушалъ: можетъ кто и сказалъ бы, что нибудь нужное... А то ревѣтъ, Господи прости,

какъ быкъ!— проговорилъ Нечипоръ, обращаясь къ Ладыміру Полищуку.

— Э, подите же!— отвѣтилъ тотъ, устремляя на крикуна свои сѣрые глаза, блестѣвшіе ироніей.

— Середюкъ!... гдѣ Середюкъ?...—среди шума раздался вновь громкій голосъ Дембко.—Середюка нѣтъ?!... Послать бы кого нибудь за нимъ?...

— Самъ чортъ не разберетъ ничего во всемъ этомъ! — воскликнулъ кто-то.

— Люди добрые, я хочу что то сказать вамъ! — громко проговорилъ, наконецъ, Ладыміръ, задирая голову кверху и оглядывая толпу.

— Замолчите!...— крикнулъ Яковъ.

— Т-с-с-с...— зашипѣли въ корчмѣ. Мало-по-малу люди успокоились и Полищукъ заговорилъ:

— Вотъ что: графской земли дѣлитъ не будутъ... То есть можетъ и будутъ, да только не теперь. А теперь мы вольны брать надѣлы у нашего графа, вольны и не брать... Возьмемъ—должны будемъ работать на графа, — а не возьмемъ, то такъ и будемъ жить безъ земли.

— Какъ же намъ жить безъ земли? Не можно жить безъ земли!— зашумѣли голоса.

— Отъ графа царь приказалъ отнять землю, — и передѣлить ее между людьми... Землю будутъ дѣлить... — кричали другіе.

— Вотъ и опять заговорили всѣ разомъ, — воскликнулъ Полищукъ.

— Поговоримъ ладкомъ, люди добрые, не за чѣмъ кричать.

— Что оно такое — это *временно*... какъ тамъ его звать? Вы называли какъ-то тамъ, Ладыміре?—послышался голосъ Дембка.

— Да и вы же слышали, какъ намъ толковалъ посредникъ: мы всѣ теперь *временно-обязанные*, то есть все равно какъ крѣпостные; и будемъ такими оставаться до тѣхъ поръ, пока не подпишемъ Уставной Грамоты.

— Что это за такая грамота?

— Грамота?.. Вотъ дастъ вамъ графъ надѣлъ земли, а вы и будете ему за эту землю отрабатывать; это и есть Уставная Грамота.

— Такъ развѣ-жъ до сихъ поръ не такъ было?— проговорилъ съ азартомъ тотъ самый высокій, черный

жилась около креста, не зная въ темнотѣ куда ей сѣсть, и потомъ садилась своей подругѣ на спину, сталкивала ее внизъ и на церкви среди галокъ поднималась невообразимая возня. Изо дня въ день сходки повторялись то болѣе спокойныя и тихія, то бурныя,— когда собирались люди чуть не со всего села и кричали до полуночи. Такъ дѣло шло всю весну.

Какъ ни были безпорядочны и хаотичны сами по себѣ эти сходки, безъ предсѣдателей, безъ правильно ведомыхъ дебатовъ, лишенныя всякихъ парламентскихъ пріемовъ, тѣмъ не менѣе онѣ привели къ положительнымъ результатамъ. Въ концѣ-концовъ установилось среди крестьянъ согласіе и единодушіе по всѣмъ существеннымъ пунктамъ. Выработался даже не лишенный стройности планъ, или выражаясь точнѣе, — программа дѣйствія, которой они рѣшили держаться въ будущемъ. Исходя изъ того убѣжденія, что управляющій совмѣстно съ мировымъ посредникомъ и уѣздными чиновниками старался ихъ обмануть, одурачить и даже не прочь былъ бы, какъ имъ казалось, возстановить крѣпостное право — они постановили быть осторожными и не поддаваться ничьимъ увѣщаніямъ. Въ это время уже ходили глухіе слухи среди народа о томъ, что въ Польшѣ готовились къ возстанію противъ царя; и такъ какъ не только у нихъ, горанцевъ, управляющій и экономъ были поляки, но и самъ графъ, да и почти всѣ окрестные помѣщики были тоже поляки, — то это обстоятельство еще болѣе усиливало ихъ подозрительность. «Царь далъ волю мужикамъ; хочетъ и землю отнять отъ пановъ, чтобы подѣлить ее между всѣми... Оттого паны и бунтуютъ противъ царя...»—Такъ объясняли себѣ горанцы причины недовольства поляковъ. Слыша отъ крестьянъ сосѣднихъ деревень, что и тамъ паны съ мировыми посредниками и чиновниками дѣйствуютъ за одно и убѣждаютъ крестьянъ приступить къ составленію Уставныхъ Грамотъ, т. е. согласиться за извѣстное небольшое количество земли, надѣленной помѣщиками, принять извѣстныя обязательства по отношенію къ помѣщику и работать ему какъ раньше, — горанцы видѣли въ этомъ только ясныя, неопровержимыя доказательства общаго заговора всѣхъ пановъ — противъ крестьянъ. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ паны бун-

товали и противъ царя, то въ представленіи горанцевъ получались, такимъ образомъ, какъ бы два борющихся враждебныхъ лагеря: царя съ крестьянами — противъ пановъ съ чиновниками. Впрочемъ, что касалось въ частности до чиновниковъ, то нѣкоторые изъ нихъ, какъ полагали горанцы, были и за царя; хотя большинство все-таки явно стояло на сторонѣ пановъ. Можно себѣ вообразить, какъ подобныя представленія должны были отразиться на поведеніи крестьянъ?!.. Всякаго пріѣзжавшаго къ нимъ новаго чиновника, всякую бумагу, присылаемую изъ уѣзда, они прежде всего старались опредѣлить изъ какого лагеря она исходила: отъ царя, или отъ вражьихъ пановъ съ подкупленными чиновниками. Такимъ образомъ манифестъ о волѣ, читанный въ церкви, горанцы принимали за царскій; «Положенія» считали «бумагой», сочиненной панами совмѣстно съ чиновниками и были твердо убѣждены, что царь былъ такимъ же противникомъ этихъ «Положеній», какъ и они сами. Манифестомъ царь освобождалъ ихъ отъ пановъ, а своимъ желаніемъ сдѣлать всѣхъ крестьянъ *объвателями*, т. е. въ переводѣ на мѣстный языкъ *помѣщиками*, сулилъ общій передѣлъ земли. Въ «Положеніяхъ» же — предлагались имъ только небольшіе участки земли, надѣлы, — за которые вдобавокъ они должны были отрабатывать помѣщику, т. е. въ сущности оставаться такими же крѣпостными, какими они были раньше. Поголовная безграмотность горанцевъ — какъ нельзя болѣе способствовала распространенію среди нихъ всякихъ слуховъ, иногда совершенно нелѣпыхъ. Они не довѣряли никому, кто имѣлъ только панскій видъ и ко всякому заявленію и свѣдѣнію, исходившему отъ подобнаго человѣка — относились подозрительно; и въ то же время часто вѣрили самой ужасной безсмыслицѣ, взболтнутой сдуру какимъ либо проѣзжимъ мужичкомъ. У нихъ составилось странное предубѣжденіе, будто царь-сторонникъ ихъ интересовъ и врагъ помѣщиковъ, и вслѣдствіе этого свои желанія, свои стремленія, они считали, его желаніями, его стремленіями. Имъ хотѣлось, что бы вся земля была передѣлена на всѣхъ по ровну и твердо были они убѣждены въ томъ, что царь хочетъ того же самого. Но для осуществленія этого, видимо, еще не наступило время; приходилось

ныя поля подъ предстоявшіе озимые посѣвы. Было такъ жарко, что надъ взоранными полями воздухъ дрожалъ,—словно тамъ горѣла земля. Слабая, поблекшая зелень полудозрѣвшей ржи, крючками книзу загнувшей свои головки и какъ море стлавшейся съ лѣвой стороны дороги, мало прибавляла свѣжести къ общей картинѣ. Со всѣхъ сторонъ несся непрерывный трескъ кузнечиковъ. По полю то здѣсь, то тамъ трепетали въ вышинѣ кобчики, пристально всматривавшіеся въ землю, гдѣ у корней ржи боязливо кралась изъ норки полевая мышь или сѣрая ящерица съ раскрытымъ ртомъ отъ жары и духоты.

— Чья это пшеница?—прервалъ молчаніе панокъ.

— Которая, пане?...—спросилъ кучеръ, поворачиваясь назадъ и показывая свое почернѣвшее и запыленное лицо.

— Вонъ та, что тянется отъ той широкой межи, гдѣ ростетъ груша? — проговорилъ панокъ, указывая пальцемъ.

— Это начинаются уже *ланы* горанскаго графа.

Панокъ замолчалъ и они опять ѣхали молча. Беззвучно катились колеса по пыльной, мягкой дорогѣ. Густые клубы пыли поднимались изъ подъ ногъ лошадей—и тогда какъ бричка убѣгала впередъ—пыль эта долго еще послѣ того висѣла въ воздухѣ, тихо расползаясь въ стороны и ложась толстымъ налетомъ на придорожныя растенія.

— Фу-у... какъ печетъ! — замѣтилъ панъ, вытаскивая платокъ изъ кармана и принимаясь имъ обмахиваться.

Кучеръ ничего на это не отвѣтилъ и только, слегка тронувъ возжами, прикрикнулъ на лошадей устало плетшихся мелкой рысцой, и безпрерывно махавшихъ хвостами отъ мухъ, налепившихся кучами по ихъ бокамъ и спинамъ. Проѣхавъ версты полторы, путешественники наши въѣхали въ Горанскій лѣсъ и здѣсь вздохнули свободнѣе. Высокіе грабы вверху надъ дорогою сплелись своими вершинами такъ густо, что давали полную тѣнь; казалось ни одинъ лучъ солнца не проникалъ внизъ гдѣ царствовалъ полумракъ и сырость. Въ вершинахъ деревъ копошились хохлатыя сойки, издавая разнообразные звуки, словно разговаривая между собою; а по гладкимъ,

высокимъ стволамъ скользили маленькіе, сѣрые поползни. Вотъ послышался прерывистый крикъ дятла, перелетавшаго съ одного дерева на другое, и вслѣдъ затѣмъ раздались его быстрые, сильные удары по стволу, который звенѣлъ точно металлическій. Лошади запорскали, пріободрились... Въ запыленныя лица путешественниковъ пахнуло лѣсной прохладой.

— Постой!—крикнулъ панокъ.

Кучеръ остановилъ лошадей. Панокъ вытащилъ кисетъ съ табакомъ, сдѣлалъ толстую папиросу, вложилъ ее въ самодѣльный мундштукъ изъ мѣстнаго камыша, закурилъ и слѣзъ съ брички.

— Поѣзжай шагомъ, пусть лошади передохнутъ немного.

Кучеръ тронулъ шагомъ, а панокъ съ папироскою въ зубахъ пошелъ пѣшкомъ. Пройдя нѣкоторое пространство дорогою, онъ своротилъ вправо и сталъ пробираться лѣсомъ, не слишкомъ удаляясь однако отъ дороги, что бы не сбиться съ пути. Ноги его слегка грузли въ почву, устланную толстымъ слоемъ перегнившихъ листьевъ и мелкихъ, сухихъ вѣточекъ. Внизу между густыхъ деревьевъ было такъ мало свѣта, что трава не росла; кое-гдѣ зеленѣли пучки давно отцвѣтшихъ ландышей, да вѣерообразныя папоротники, изгибавшіеся дугою. Долгое время панъ шелъ среди высокихъ грабовъ, липъ и берестовъ; попадались ему по пути и черешни—высокія и гладкія подобно лѣснымъ деревьямъ, выгнавшіяся вверхъ и тамъ, вверху раскинувшія зонтикомъ свою крону. Но вотъ мало-по-малу лѣсъ сталъ рѣдѣть; стали встрѣчаться кусты орѣшника; между деревъ показалась трава... Онъ шелъ... И вдругъ остановился, какъ вкопанный на мѣстѣ, пораженный страшнымъ зрѣлищемъ: прямо передъ нимъ, подъ невысокою, вѣтвистою, лѣсною грушею—лежалъ мертвецъ; на немъ была свита и полотняные штаны, а сбоку лежали шапка и походный мѣшокъ, перевязанный такъ, что бы можно было его забрасывать за плечи. Рой мухъ сидѣлъ на его синемъ лицѣ, уже разбухшемъ отъ гніенія, а темные, длинные волосы всѣ сбились въ кучу на одну сторону; въ застывшихъ, широко открытыхъ глазахъ, выражался безпредѣльный ужасъ.

— Павло!... Павло!...—закричалъ панъ неестествен

жидъ руку ко рту, глухо—въ кулакъ—откашлялся и, выступивъ немного впередъ проговорилъ:

— У насъ нѣтъ десятскаго, ваше благородіе.

— Какъ нѣтъ десятскаго?! Порядка не знаете?

Ладымiръ оглянулся и, ободренный присутствіемъ товарищей, опять кашлянулъ и громче прежняго сказалъ:

— На что же намъ, ваше благородіе, десятскіе? Мы теперь вольные люди... Десятскихъ намъ не нужно.

Въ это время все болѣе и болѣе подходило народу во дворъ и вскорѣ возлѣ дома священника образовалась толпа. Тутъ виднѣлось уже и серьезное лицо Николы Середы, и высилась голова рыжаго Дембка.

— Вольные люди?! Десятскихъ вамъ не надо?! — проговорилъ удивленный приставъ.—Надо производить слѣдствіе, понимаете ли? Понятые нужны...

— И понятыхъ достаньте себѣ изъ другого мѣста, — заявилъ Никола, выступая изъ толпы.

— И понятыхъ изъ другого мѣста?!—какъ эхо повторилъ становой. — Съ какого же другого мѣста?... Мертвецъ тутъ лежитъ...

— Мертвеца нашли въ панскомъ лѣсу, такъ пускай панъ и будетъ понятымъ.

— Пускай панъ будетъ понятымъ?! — отозвался становой приставъ...

Все это было до того ново, до того неслыханно его полицейскому уху, что онъ рѣшительно ничего не могъ понять...

Тогда панъ Червинскій, стоявшій вмѣстѣ съ писаремъ въ сѣняхъ и глядѣвшій на всю эту сцену, проговорилъ обращаясь къ писарю:

— Видите?!... Я вамъ говорилъ: никого знать не хотятъ, бунтовщики!

Приставъ услыхалъ это замѣчаніе и вспыхнулъ.

— Это что же?!... Бунтовать вздумали?!...—крикнулъ онъ.

— Нѣтъ, мы не бунтуемъ... А только царь далъ намъ волю... Мы хотимъ быть вольными...—спокойно проговорилъ Никола.

— Казаками хотимъ быть... Мы всѣ теперь вольные казаки!—раздался громкій голосъ Дембки.

— Вольные-то вы—вольные!... Но нельзя же такъ?!... Для слѣдствія нужны понятые, а вы кричите:—пускай

панъ будетъ понятымъ. Что это такое? Гдѣ это видано? Законовъ не знаете, что-ли?!

Крестьяне молчали...—Приставъ нѣкоторое время подождалъ и, смягчивши тонъ, добавилъ:

— Образумьтесь, люди добрые!... Отъ всего сердца совѣтую вамъ...

— Послушавши жука—вѣчно въ гною сидѣть будешь!...—вдругъ выпалилъ Дембко народную поговорку...

Несмотря на всю торжественность минуты, эта выходка вызвала въ толпѣ смѣхъ. Самъ же Дембко, ободренный успѣхомъ, лукаво обвелъ сосѣдей своими маленькими, синими глазками и захохоталъ во всю глотку.

Лицо пристава побагровѣло...

— А! Бунтовщики!... Такъ вотъ вы какъ!?...

— Мы не бунтовщики, а только не хотимъ имѣть никакихъ дѣлъ ни съ паномъ, ни съ чиновниками, — твердо заявилъ Никола Середа.

Дембко продолжалъ смѣяться...

— Будетъ уже! Что это съ вами, Дембко?! — замѣтилъ ему Никола недовольнымъ тономъ.

— Бунтуете?!... Бунтовать вздумали?!...—кричалъ становой.

— Ни десятскихъ, ни понятыхъ у насъ нѣтъ и не нужно ихъ намъ,—опять проговорилъ Никола.

— Не надо! Не надо! Мы вольные люди! — кричала толпа.

— Ни десятскихъ, ни понятыхъ намъ не нужно!... — громко оралъ Дембко, закинувъ голову вверхъ.

— Бунтъ!... Бунтъ!...—повторялъ становой приставъ уже ничего не слушавшій. Онъ сильно засуетился. Вбѣжалъ зачѣмъ-то въ комнаты, потомъ выскочилъ обратно въ сѣни, заглянулъ черезъ двери на крыльцо и опять побѣжалъ въ комнаты, словно чего то искалъ.

— Лошадей!... Прикажите лошадей запрягать...— обращался становой то къ тому, то къ другому. — Вы здѣсь, батюшка уже того... какъ нибудь урезонивайте ихъ, уговаривайте, пока... Надо исправнику доложить... Войско сюда надо... Войско!...

Становому положеніе дѣлъ вдругъ представилось до того критическимъ, что онъ боялся потерять всякую минуту. Крестьяне, не хотѣвшіе выставить понятыхъ для слѣдствія, представились его воображенію той

бунтующей, мятежной массой, которую возможно было усмирить только вооруженною рукой; мятежъ надо было захватить въ самомъ началѣ и не дать ему времени разгорѣться.

Черезъ четверть часа становой приставъ, членъ суда и приставъ уѣзднаго полицейскаго управленія выѣхали изъ батюшкинаго двора и быстро погнали лошадей по дорогѣ къ уѣздному городу.

Горанскій священникъ, маленькій, кругленькій старичокъ, имѣлъ мягкое, доброе сердце и услыхавъ угрозу пристава, — звать войско для усмиренія, пришелъ въ неописанный ужасъ. Поэтому лишь только чиновники съѣхали со двора, онъ вышелъ на крыльцо, чтобы поговорить съ крестьянами; но тѣ встрѣтили его такимъ оглушительнымъ крикомъ, что онъ ничего не могъ разобрать. Объясниться съ взволнованной толпою оказывалось невозможнымъ.

— Зайдите ко мнѣ кто нибудь! — удалось священнику проговорить на столько громко, что шумѣвшая толпа его услышала.

— Диду!... Диду Недбайло!... — раздались голоса — Идите къ батюшкѣ, диду!... Идите и говорите ему.

Недбайло вышелъ изъ толпы и, опираясь на свою орѣшниковую палку, медленно направился къ покоямъ. Взобравшись по тремъ ступенькамъ на крыльцо, старикъ пріостановился и, обнаживъ голову, съ которой длинными прядями свѣшивались внизъ его бѣлые, сѣдые волосы, вошелъ въ комнаты.

— Вотъ, добре!... — такими словами встрѣтилъ дѣда священникъ у порога. — Добре, что вы пришли. Съ разумнымъ человѣкомъ можно и поговорить... Пойдемъ въ другую комнату.

Недбайло поцѣловалъ руку священнику и потомъ оба старика направились къ дверямъ сосѣдней комнаты. Священникъ былъ на столько ниже, что голова его едва достигала до плечъ дѣда; съ сѣдою косичкою, болтавшеюся на спинѣ подрясника кофейнаго цвѣта, онъ шелъ впереди, а сзади его, нѣсколько согнувшись, слѣдовалъ въ свиткѣ дѣдъ Недбайло, держа въ правой рукѣ свою баранью шапку и палку (дѣдъ зимой и лѣтомъ ходилъ въ одной шапкѣ).

Войдя въ другую комнату, священникъ остановился

и обратясь къ гостю, проговорилъ, указывая рукою на скамью:

— Садитесь, диду!

Дѣдъ молча опустился на деревянную скамью. Низкая скамья не соотвѣтствовала его высокому росту и ему, сидя, пришлось сильно согнуть колѣни. Впереди себя, между ногъ онъ поставилъ палочку, навѣсилъ на нее шапку и сверху оперся рукою.

Священникъ сѣлъ напротивъ на деревянномъ стулѣ съ высокою спинкою, возлѣ бѣлаго липоваго стола, прислоненнаго къ стѣнѣ и проговорилъ:

— Растолкуйте мнѣ, диду, чего люди бунтують?

— А кто вамъ, батюшка, сказалъ, что люди бунтуютъ? — отвѣтилъ тотъ.

— Самъ вижу, диду... Самъ...

Слова священника взволновали дѣда; рука, которой онъ опирался на палку, слегка задрожала; онъ заворочался на скамьѣ и, устремивъ сумрачный взглядъ на священника, тихо воскликнулъ:

— Грѣхъ вамъ передъ Богомъ!... Великій грѣхъ за эти слова!... Онъ ихъ слышитъ съ высокаго неба...

Священникъ смутился, почувствовавъ, что дѣдъ былъ правъ, бросая ему упрекъ. А между тѣмъ дѣдъ успокоился немного и продолжалъ ровнымъ голосомъ:

— Нѣтъ лѣса безъ волка, а села — безъ злого человѣка... Можетъ одинъ - два и у насъ найдутся такіе... Но о всѣхъ людяхъ того сказать нельзя... Какой же у насъ бунтъ? Что мы не хотимъ работать на пана? Мы теперь вольные, никто насъ не можетъ заставить. Вы сами читали царскій манифестъ... Кто же далъ намъ волю? — Царь!... Самъ царь осводилъ насъ отъ графа.

— Да, это правда,—согласился священникъ. — Но почему люди не хотятъ выставить понятыхъ для слѣдствія? Почему не имѣютъ въ селѣ десятскихъ?

— Мертвеца нашли въ лѣсу, а не въ селѣ... Какое же намъ дѣло до этого?... Лѣсъ не громадскій, а графа.

— Ну, а десятскаго почему не хотите имѣть?

— Десятскихъ и сотскихъ намъ не нужно...—Недбайло зажевалъ губами, потомъ, бросивъ пристальный взглядъ на священника, спросилъ:

— Скажите, батюшка, на что намъ десятскіе?

— Какъ же въ селѣ безъ десятскаго?!..—воскликнулъ священникъ; онъ такъ привыкъ видѣть десят-

скихъ по селамъ, что слова дѣда его рѣшительно поразили.

— Ну, а для чего онъ нуженъ?...—опять спросилъ тотъ.

Священникъ даже не нашелъ сразу, что отвѣтить, такъ это ему казалось очевиднымъ, и замѣтилъ только:

— Да, для порядка.

— Для какого порядка?...—допытывался дѣдъ...

Но казенное, чиновничье выраженіе *для порядка* оказалось не болѣе понятнымъ самому батюшкѣ, чѣмъ и его собесѣднику. Привыкши слышать его на всякомъ шагу, еще въ бурсѣ и семинаріи, когда и въ церковь водили и сѣкли—«для порядка», онъ и здѣсь употребилъ это выраженіе не подумавши; оно у него, какъ говорится, просто-на-просто сорвалось съ языка; но когда онъ задумался надъ нимъ, то оно ему самому представилось нелѣпымъ. Тѣмъ не менѣе все еще пытаясь удержаться на своемъ, онъ сказалъ:

— Вотъ, напримѣръ, хоть бы собирать подушное?!...

— Соберемъ и сами, когда время прійдетъ,—отвѣтилъ дѣдъ.

Тогда батюшка замолчалъ. Онъ долженъ былъ замолчать, такъ какъ вопросъ о десятскомъ, необходимомъ *для порядка*, внезапно освѣтился для него самого совершенно съ новой стороны: онъ вдругъ понялъ, такъ сказать, вполнѣ осязательно ощутилъ въ эту минуту, что десятскій на самомъ дѣлѣ таки не нуженъ людямъ, и они прекрасно могутъ безъ него жить, а если нуженъ, то только чиновникамъ, наѣзжавшимъ въ село.

Послѣ этого священникъ совершенно оставилъ вопросъ о десятскихъ и заговорилъ о другомъ.

— Почему громада не хочетъ брать полевыхъ надѣловъ? Почему отказывается отъ земли?—спросилъ онъ.

— А отъ того, что люди не хотятъ вставлять свою шею въ панское ярмо... Довольно съ насъ и того, что было,—проговорилъ дѣдъ.

— Вы думаете, дѣдъ, что васъ хотятъ вернуть въ «крипатство»?... Заблуждаетесь!... Люди будутъ «временно-обязанными», будутъ работать на экономію и за это въ вознагражденіе получатъ землю... Сколько разъ я съ вами толковалъ объ этомъ, а вы все не вѣрите...

— Таже паньщина,—замѣтилъ дѣдъ...

— Совсѣмъ нѣтъ!—возразилъ священникъ.

— Такъ кажется, а разберите хорошенько и выходитъ одно и тоже. При паньщинѣ мы работали по три дня въ недѣлю на графа, а онъ намъ давалъ нивы за это; все равно и тутъ: даютъ намъ полевые надѣлы и хотятъ, что бы мы работали на пана. Какая же это, воля? Подумайте только?!.. Ой, батюшка, батюшка! Или мало еще мы натерпѣлись горя?!...—Недбайло вздохнулъ и глядя въ полъ задумчиво добавилъ: — временно... Какъ будто и паньщина была не временна?!.. Умеръ человѣкъ и конецъ всему, конецъ и паньщинѣ.

Священникъ тоже вздохнулъ и замѣтилъ:

— Это правда, дѣду. Горькая жизнь!.. Горькая!.. Кто же этого не видитъ? Но надо же какъ нибудь жить?...

— Эге, надо, — согласился дѣдъ.

— Какъ же жить безъ земли?

— Лучше безъ земли и не знать ни пана, ни чиновника, чѣмъ съ землею да съ паномъ.

— Оттого-то, что люди не хотятъ земли орать, не хотятъ входить въ соглашеніе съ помѣщиками, не повинуются начальникамъ — оттого-то и говорятъ, что люди бунтуютъ.

— Э!.. Это мы давно знаемъ!... Управляющій давно называетъ насъ бунтовщиками!.. То его дѣло.. И становой тоже... Становому, какъ и пану, нужно сдѣлать насъ бунтовщиками... Ну, а вы то, батюшка, зачѣмъ это повторяете?... — продолжалъ дѣдъ, глядя съ укоризною на священника. — Ихъ дѣло одно, а ваше другое... Вамъ на нихъ глядѣть нечего... Зачѣмъ вы идете съ ними?

— Охъ, дѣду, дѣду!... Развѣ-же я иду съ ними!?.. Я же имъ ничего не говорю!.. Я только вамъ говорю... Мнѣ людей жалко... Не хотѣлось бы мнѣ, что бы вамъ еще какую новую бѣду причинили... Вотъ и теперь, становой поѣхалъ за войскомъ...

— А жалко вамъ насъ,—прервалъ его Недбайло,— такъ и держитесь съ нами. Нашъ графъ ни разу вамъ не помогъ и не поможетъ... А случится у васъ нужда какая, къ кому же вы обратитесь, какъ не къ намъ?!.. Люди всегда вамъ помогали... Припомните только, хоть бы и въ прошломъ году: поставили вамъ «клуньку»,

скосили сѣно, сложили его въ стожокъ, хлѣбъ святой убрали и свезли съ поля... Кто же вамъ помогъ, какъ не люди? Все люди, все громада, а не панъ!.. А въ этомъ году: и пасѣку вывезли изъ села и выставили на хуторѣ, и посѣяли все что надо было съ весны... Графу перестали работать, а вамъ батюшка, и теперь пашутъ подъ озимну... Такъ и на будущее время: не одинъ и два раза, а много-много разъ будемъ вамъ въ «пригодѣ»... До самой вашей смерти. Не перемѣните же прихода на старости лѣтъ?! Не захотите же, что бы ваши кости лежали въ другомъ мѣстѣ: матушка тутъ погребена.

Священникъ былъ бездѣтный старикъ и всего года два передъ тѣмъ похоронилъ жену... Теперь Недбайло совершенно ненамѣренно коснулся этой далеко незажившей раны и у батюшки на глазахъ навернулись слезы. Дѣдъ это замѣтилъ и, взволнованный, поднялся со скамьи.

— Благословите!— проговорилъ онъ, подходя къ нему и низко нагибаясь къ его рукѣ... Батюшка принялся его крестить дрожащею рукою и слезы закапали изъ его глазъ...

— Мы всѣ тамъ будемъ... Эге, скоро будемъ...— тихо шепелявилъ дѣдъ, не глядя на него и цѣлуя его руку.

Священникъ молчалъ...

— Будьте здоровы, батюшка!—проговорилъ Недбайло и направился къ выходу.

Когда дѣдъ показался на крыльцѣ, то изъ толпы со всѣхъ сторонъ раздались голоса, спрашивавшіе его:

— Что же вамъ батюшка говорилъ?

— Что же говорилъ?! Вотъ говорилъ, что становой поѣхалъ за войскомъ,—отвѣтилъ тотъ, надѣвая шапку на голову и тихо спускаясь со ступенекъ крыльца.

Молча въ этотъ разъ расходились крестьяне по своимъ дворамъ, чувствуя, что ихъ ожидаетъ что-то недоброе и у всякаго изъ нихъ въ головѣ были мрачныя мысли.

V.

Два дня послѣ того для Горанцевъ прошли въ какомъ-то томительно-выжидательномъ затишьи. Послѣ всѣхъ ихъ криковъ, волненій и барахтанья съ цѣлью придумать что-нибудь для защиты своихъ интересовъ, они, наконецъ, увидѣли тщету всего этого. Такъ близкіе люди, ухаживая за опасно-больнымъ бѣгаютъ, суетятся, зовутъ докторовъ, мѣняютъ лекарство... Но все напрасно... Надежды нѣтъ и смерть уже стоитъ у изголовья больного... Тогда прекращается суета и съ замираніемъ сердца всѣ ждутъ наступленія страшнаго конца. Такъ пловецъ, унесенный вѣтромъ далеко отъ берега и окончательно истомленный борьбою и потерявшій силы, опускаетъ, наконецъ, руки и ждетъ когда поглотитъ его волна.

Солнце спускалось къ горизонту, когда въ село прискакалъ верхомъ четырнадцатилѣтній сынъ Николы Середы и объявилъ людямъ, что идутъ «москали». Мальчикъ пасъ лошадей въ той сторонѣ, гдѣ пролегала дорога, ведшая въ уѣздный городъ и первый далъ знать о приближавшейся опасности. Лошадка, на которой онъ прискакалъ, вся вспотѣла отъ быстраго бѣга и онъ самъ едва переводилъ духъ, неизвѣстно отъ усталости или же отъ волненія. Все что было живого въ селѣ задвигалось, закопошилось... Женщины забѣгали по улицамъ и по своимъ дворамъ, убирая мокрыя полотна, разостланныя для просушки на травѣ, и втаскивая ихъ въ избы. Мужики принялись загонять въ хлѣва скотину, какая была въ ту минуту въ селѣ... Даже куръ хозяйки сзывали въ сѣни и затворяли по чуланамъ. Суета была необыкновенная... Такъ передъ грозою, муравьи торопятся попрятать въ муравейникъ свои яички, что передъ тѣмъ вынесены были ими на солнечный припекъ.

— Москали идутъ!...—пронесся крикъ по Горанамъ. Кучки босыхъ дѣтей въ длинныхъ сорочкахъ, подпоясанныхъ веревочками и крайками, причемъ только старшіе имѣли кромѣ сорочекъ еще и полотняные штаны, бѣжали по широкой сельской улицѣ съ неистовымъ крикомъ: «москали идутъ!» Дѣти играли на небольшой площадкѣ, у деревенскаго выѣзда, и издали замѣтили приближавшихся солдатъ... Суета

усилилась, собачій лай смѣшивался съ шумомъ людскихъ голосовъ, ревомъ телятъ и крикомъ гусей. Наконецъ, раздалось хлопанье дверей и воротъ и потомъ вдругъ все притихло; даже телята перестали ревѣть, словно сознавая опасность... Деревня замерла; только собаки продолжали бѣшено лаять, стоя у запертыхъ воротъ своихъ жилищъ. Люди попрятались въ избы и съ сильно бьющимися сердцами выглядывали черезъ свои небольшія оконца на улицу.

А между тѣмъ въ это время по улицѣ двигались стройные ряды пѣхоты, съ густой щетиною штыковъ надъ головами, сверкавшихъ отъ солнца. Впереди ѣхалъ верхомъ на рыжей статной лошади толстый майоръ въ бѣломъ кителѣ и эполетахъ; сбоку солдатъ ѣхалъ тоже верхомъ еще одинъ офицеръ... Пѣсенники отхватывали какую-то удалую солдатскую пѣсню съ присвистомъ, отъ котораго глохло въ ушахъ слушателей. Сзади войска медленно слѣдовали въ экипажахъ господа чиновники.

Какое торжественное шествіе! Какое душу возвышающее зрѣлище!... Вотъ они настоящіе хозяева селенія Горанъ, а не эти глупые, косолапые мужики, попрятавшіеся по своимъ норамъ! И что за нелѣпая мысль втемяшилась, въ самомъ дѣлѣ, въ ихъ мужичьи головы, будто они могутъ быть господами своей деревни?!.. Вотъ они, настоящіе господа!.. Посмотрите, какъ браво и лихо выступаютъ они, заломивъ форменныя шапки на бекрень и бросая направо и налѣво вызывающіе взгляды!.. А господа чиновники!.. Взгляните, взгляните только на ихъ лица?! Сколько спокойнаго благороднаго сознанія силы на этихъ лицахъ? О, какое чудное, возвышающее душу зрѣлище!

Гораны были большое селеніе и изъ уѣзднаго города для усмиренія мятежа приведено было туда двѣ роты солдатъ.

Дойдя до площади, гдѣ находилась церковь и корчма, майоръ приказалъ остановиться и, поворотивъ лошадь, шагомъ подъѣхалъ къ экипажу исправника.

— Ну, какой же здѣсь бунтъ?!... Ни одного человѣка на улицѣ не видно!...—съ улыбкой проговорилъ онъ.

— Попрятались, канальи!—отвѣтилъ становой приставъ, успѣвшій уже соскочить съ своей брички и

подбѣжать къ исправнику, сидѣвшему неподвижно въ фаэтонѣ, въ своей фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и звѣздочкой.

— Бунтовщики попрятались?!.. Мило... Это они что же, засаду устроили?—иронизировалъ толстый майоръ. Майоръ этотъ былъ старый кавказскій служака и о бунтѣ имѣлъ совершенно иное представленіе.

— Не бунтовщики по вашему?! Почему же въ такомъ случаѣ они не повинуются начальству?... Да, впрочемъ, вы еще увидите сами... увидите... — говорилъ приставъ.

— Что же я увижу?—Немного помолчавъ, майоръ добавилъ: — какъ знаете, господа, а я нахожу, что нѣтъ надобности морить солдатъ всю ночь на площади. Я отдаю приказъ размѣстить ихъ по избамъ... Гдѣ мы сами помѣстимся? — спросилъ онъ обращаясь къ становому.

— Да здѣсь мѣсто отыщется... Можно помѣститься у батюшки, у управляющаго, въ корчмѣ...

— Гдѣ домъ священника?

— Вотъ онъ! — проговорилъ помощникъ пристава, тоже подошедшій къ экипажу исправника, указывая пальцемъ на небольшой домикъ, виднѣвшійся во дворѣ, примыкавшемъ къ площади.

— Прекрасно, — заключилъ майоръ. Въ такомъ случаѣ здѣсь, на площади, мы оставимъ сильный караулъ, на случай внезапнаго, ночного нападенія, а остальныхъ все-таки размѣстимъ по квартирамъ.

Исправникъ поморщился, однако ничего не отвѣтилъ. Насмѣшливый тонъ, принятый майоромъ, начиналъ его шокировать, но онъ себя сдерживалъ.

— Поѣзжай къ батюшкѣ! — сказалъ онъ своему кучеру; затѣмъ, указывая рукою на мѣсто возлѣ себя, пригласилъ становаго пристава сѣсть.

Исправникъ подвинулся къ одной сторонѣ, становой влѣзъ въ экипажъ съ другой, и лошади тронулись. Помощникъ становаго пристава съ писаремъ направились къ корчмѣ; а майоръ, подъѣхавъ къ солдатамъ, которые сложивъ «ружья въ козла», стояли въ безпорядкѣ на площади, сталъ имъ отдавать приказанія. Солнце закатилось и все селеніе погрузилось въ тѣнь; на церковномъ крестѣ горѣли еще нѣсколько мгновеній солнечные лучи, но и тамъ потухли. На площади по-

Дѣдъ хотѣлъ что то сказать, но сильная пощечина прервала его на полу-словѣ... Орѣшниковая палка вывалилась изъ его рукъ и вмѣстѣ съ шапкой откатилась въ сторону.

— За что ты меня бьешь?! Волю намъ самъ царь далъ!—воскликнулъ онъ, протягивая обѣ руки впередъ.

— А! хамъ!... Мятежникъ!... Смѣешь еще мнѣ *тыкать*?!... Ро-зогъ!—крикнулъ разсвирѣпѣвшій исправникъ.

Нѣсколько солдатъ бросились на старика и схватили его подъ руки. Мгновенно появились откуда-то розги; неизвѣстно—были ли онѣ привезены изъ уѣзднаго города, или же ихъ успѣли припасти на мѣстѣ.

Въ эту минуту на площади раздался женскій крикъ. Мужики зашумѣли, заколыхались. Гапка, стоявшая позади всѣхъ, теперь неистово продиралась сквозь толпу.

— О, Боже!—кричала она, прорываясь напередъ. —Батьку?!... сѣчь?!... Семене, гдѣ ты?—воскликнула она громко.

— Я тутъ, мое серденько!—отозвался ея мужъ. Семенъ оказался возлѣ нея; онъ ни на одинъ шагъ отъ нея не отставалъ.

А дѣда между тѣмъ солдаты уже растянули на землѣ и розги съ двухъ сторонъ засвистали, опускаясь на его обнаженное тѣло.

— Ладымірe!... Никола!... Дембко!—звала Гапка на помощь и, не дождавшись подкрѣпленія, ринулась сама на солдатъ.

Семенъ бросился за нею.

По толпѣ пронесся гулъ...

— Взять ее!—проговорилъ майоръ солдатамъ, вскидывая глазами по направленію къ ней.

Но взять ее оказалось не такъ легко. Два солдата, кинувшіеся ей настрѣчу, что бы исполнить приказанія своего начальника, были отброшены Семеномъ съ необыкновенной силою, одинъ вслѣдъ за другимъ. Второй солдатъ не могъ удержаться на ногахъ и, быстро замелькавъ ногами, упалъ на руки, просунулся нѣкоторое пространство еще на четвереренькахъ и потомъ уткнулся лицомъ въ землю. Кровь хлынула у него изо рта и носа.

— Ладымірe!...—звала она на помощь.

Въ тоже мгновеніе на Семена набросилось еще нѣсколько солдатъ и между ними поднялась ожесточенная борьба.

Толпа зашумѣла.

— Еще двадцать человѣкъ сюда! Да прикажите заготовить патроны,—проговорилъ майоръ офицеру, который сдѣлавши подъ козырекъ поспѣшно удалился.

Никола Середюкъ, сжавъ кулаки отъ гнѣва, выступилъ впередъ. Его черные глаза сверкали.

— Душегубы!... Не бейте стараго дѣда!—крикнулъ онъ.

— Дѣда, дѣда пустите!... Не бейте дѣда!—зашумѣли мужики.

У Ладыміра Полищука исчезла робость.

— Мы вольные теперь люди... За что бьете дѣда?!... —кричалъ онъ, выступая тоже впередъ.

— Никола!... Якове!...—звала между тѣмъ на помощь Гапка, которую два солдата уже успѣли схватить за руки.

А у Семена въ это время завязалась страшная драка. Со всѣхъ сторонъ окруженный солдатами, онъ пригнулся какъ то до самой земли и стремительно кидался во всѣ стороны, нанося своимъ противникамъ удары, отъ которыхъ у нихъ трещали кости. Онъ успѣлъ уже смять подъ себя трехъ солдатъ и повидимому взять его руками было невозможно. Этотъ ширококостный мужикъ съ бѣлыми усами, подобно разъяренному быку, рѣшительно, былъ страшенъ.

— Прикладомъ его!—крикнулъ майоръ, наблюдавшій эту сцену. И въ ту же минуту что-то хряснуло. Одинъ солдатъ, съ размаха ударилъ Семена прикладомъ по головѣ и Семенъ, какъ убитый повалился на землю.

Въ это время пришло подкрѣпленіе, за которымъ майоръ посылалъ, и экзекуція началась со всѣми ея ужасами. Семена связали веревками и принялись бить. Николу Середюка, Ладыміра растянули въ другомъ мѣстѣ; дѣда продолжали сѣчь въ третьемъ мѣстѣ.

— Якове!... Нечипоре!... Дембко!...—хрипло взывала Гапка.—О, душегубы!... Пусть всѣхъ васъ убьетъ громъ небесный!—проклинала она чиновниковъ, силясь вырваться изъ рукъ солдатъ. Сорочка на ея груди разстегнулась и изъ подъ головной повязки, свалив-

шейся на сторону, выбились и разстрепались ея длинныя косы.

— Выпороть ее!—крикнулъ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, исправникъ.

— Пустите дѣда, раз-бойники!...—оралъ Дембко, голова котораго поднялась опять высоко надъ толпою.

— Взять этого рыжаго крикуна!—проговорилъ спокойно майоръ, указывая на него пальцемъ.

Солдаты схватили Дембко и поволокли къ экзекуціи.

Между тѣмъ Гапку пороли, а она лежала—словно мертвая, не издавая ни малѣйшаго звука. Что бы крикомъ не обнаружить малодушія она набила свой ротъ землею и молча выносила пытку. Но когда окончили сѣчь, она встала на ноги, выплюнула изо рта землю и, поворотившись къ толпѣ, громко крикнула:

— Не сдавайтесь люди! Стойте на своемъ!...

Эта выходка чрезвычайно разсердила исправника; онъ приказалъ вторично ее высѣчь, и когда экзекуція началась, сталъ возлѣ экзекуторовъ и при всякомъ ударѣ съ какимъ то особымъ наслажденіемъ приговаривалъ:

— Такъ ее!... Еще!... Покрѣпче!... Хорошенько!...

Эта отвратительная сцена продолжалась до тѣхъ поръ, пока не подошелъ майоръ. Мужское ли чувство, или же рыцарская струнка заговорила въ немъ при видѣ этого звѣрства, совершаемаго надъ беззащитной женщиной, но только онъ вдругъ рѣзкимъ, повелительнымъ голосомъ крикнулъ:

— Довольно!—и солдаты отступили. Но Гапка не подымалась. Майоръ къ ней наклонился и слегка тронулъ ее за плечо рукою. Она не двигалась... Исправникъ чуть-чуть поблѣднѣлъ, а майоръ нахмурилъ брови...

— Подите сюда кто-нибудь!—сказалъ онъ, обратившись къ толпѣ.

Подошло два крестьянина.

— Возьмите её и отнесите въ избу.

— Несите, люди, въ мою хату... Некуда больше нести её... Громко проговорилъ Никола Середа, надъ которымъ экзекуція были уже окончена и онъ стоялъ связанный по рукамъ возлѣ корчмы.

Крестьяне подняли ее на руки и понесли.

Дѣдъ, лежавшій ничкомъ на землѣ, поднялъ въ эту минуту голову и посмотрѣлъ ей вслѣдъ; связанный

Семенъ, какъ въ столбнякѣ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ корчмы и вперивъ неподвижно глаза въ землю.

На мгновенье экзекуція была пріостановлена и слышался шумъ среди крестьянъ, но въ этомъ шумѣ уже не было и тѣни угрозы, а только одна мольба. Многіе плакали. У Дембки изъ глазъ текли слезы, а старый Юзько Билоконь плакалъ какъ «мала дытына».

— Берите и меня,—сказалъ онъ, подходя къ исправнику и вытирая рукою слезы. — Я не меньше виноватъ, чѣмъ дѣдъ.

—Высѣчь его!—проговорилъ исправникъ солдатамъ такимъ тономъ, какъ если бы онъ отдавалъ приказаніе переписать нужную бумагу... Онъ видимо усталъ и теперь относился къ дѣлу уже не съ тою страстностью, какъ вначалѣ, а такъ сказать по долгу службы.

Опять началась порка. Сѣкли Юзько, Якова, Нечипора и много-много другихъ. Экзекуція продолжалась до самаго вечера. Пересѣчено было большинство Горанскихъ крестьянъ, конечно хозяевъ, такъ какъ женщинъ, паробковъ и дивчатъ не трогали.

Усмиривъ, такимъ образомъ, бунтовщиковъ, вечеромъ господа чиновники уѣхали обратно въ городъ, оставивъ роту солдатъ подъ начальствомъ офицера для водворенія окончательнаго порядка въ Горанахъ. Одиннадцать человѣкъ крестьянъ, среди которыхъ былъ — дѣдъ Недбайло, конечно, какъ главный зачинщикъ, и почти всѣ остальные, знакомые намъ, были арестованы, перевязаны и подъ конвоемъ отправлены въ городскую тюрьму. Надъ этими одиннадцатью виновными должно было начаться слѣдствіе.

Между тѣмъ избитую Гапку помѣстили въ избѣ Николы Середы. Она лежала ницъ на широкой скамьѣ, безъ движенія и не произнося ни одного слова. Середючка—добрая, болѣзненная женщина съ большими, сѣрыми глазами, сначала расплакалась увидѣвъ её въ такомъ положеніи, а потомъ принялась воздѣ неё хлопотать. Она её обмыла, привела нѣсколько въ порядокъ ея одежду и стала упрашивать, что бы та чего нибудь поѣла или выпила. Но напрасно Середючка упрашивала и цѣловала Гапку; Гапка вздрагивала всѣмъ тѣломъ и, не мѣняя позы, ницъ лежала на дубовой, широкой скамьѣ. Середючка попробовала было поворотить её на бокъ, тогда Гапка закрыла свое лицо

руками, а когда её оставили въ покоѣ, — то опять легла ничкомъ.

— Хоть бы ты поплакала, моя голубка!... Тебѣ бы легче стало... Уговаривала ее добрая женщина, принимаясь разчесывать ея спутанныя, длинныя косы.

Но Гапка только дрожала въ отвѣтъ...

— О, Боже!... Что мнѣ съ нею дѣлать?!...—воскликнула Середючка, выходя изъ хаты и обращаясь къ своимъ сосѣдкамъ. Сосѣдки только покачивали головами и никакого совѣта не могли дать.

Такъ прошелъ весь день.

Вечеромъ Середючка накрыла Гапку свиткою, такъ какъ она сильно дрожала, и легла сама спать. Но среди ночи разбужена была шумомъ: Гапка сорвалась со скамьи, на которой лежала и, заломивъ руки надъ головою, съ пронзительнымъ крикомъ, опрометью бросилась въ дверь.

Середючка вся похолодѣла отъ страха.

— Охъ-хо-хо... Послышалось со двора,—Ох-хо-хо... —доносилось издали.

Середючка выбѣжала во дворъ. Сынъ ея, парабокъ лѣтъ четырнадцати, спавшій на дворѣ, вскочилъ на ноги. Изъ ближайшихъ избъ сосѣди выбѣжали на улицу. Но Гапка была уже далеко... Ея крикъ слышался гдѣ то возлѣ пруда.

— Ловите ее... Ловите, люди добрые... Вопила Середючка.—Ой, бѣда-жъ моя... Что мнѣ дѣлать?... Она утопится, утопится...—И Середючка повалилась на ворота и громко навзрыдъ заплакала.

Нѣсколько человѣкъ крестьянъ бросились къ пруду. Однако поймать Гапку не могли: она успѣла перебѣжать плотину и скрыться въ лѣсу.

— Х-о-о...х-и-и... — страшнымъ эхомъ голосило по всему лѣсу... И ужасъ напалъ на Горанцевъ.

— И гдѣ это сила у нея взялась?...—Разсуждали они погодя, собравшись въ дворѣ Николы Середы. — Ужь какъ ее били... Другой на ея мѣстѣ покрайней мѣрѣ мѣсяцъ лежалъ бы, а она встала и бѣгаетъ.

— Слышите? — замѣтилъ одинъ махнувъ головою по направленію къ лѣсу, откуда неслись дикіе вопли.— И не разберешь: плачетъ она тамъ или смѣется.

— Смѣется... Видно съума сошла, — проговорилъ другой.

— Да, сошла съума, — порѣшили мужики и замолкли.

Звѣзды мерцали въ небѣ... Ночной, тихій вѣтеръ чуть-чуть шелестилъ листьями... Собаки лаяли по всей деревнѣ... А Середючка сидѣла у порога своей избы и горько плакала, качаясь изъ стороны въ сторону.

Однако къ утру въ лѣсу утихло и весь день прошелъ спокойно. Гдѣ была Гапка и что она въ это время дѣлала—никто не зналъ. Можетъ—утомленная—она лежала въ глухой лѣсной трущобѣ, уткнувшись лицомъ въ сырую, черную землю, покрытую гнилыми листьями, а высокія деревья стояли кругомъ ея и, склонивъ головы, перешептывались другъ съ дружкой о жестокости людей... Горанскіе крестьяне весь день искали ее по лѣсу и не могли найти. Но вечеромъ опять послышались вопли. Гапка подходила то къ одному, то къ другому краю села и лишь только приближался къ ней кто либо, быстро скрывалась въ лѣсу.

Такъ она терзала Горанскихъ людей три ночи; никто не могъ даже спать. Наконецъ, на четвертую ночь мужики рѣшили не гоняться за сумасшедшею, а дать ей возможность войти въ село и тогда задержать. Они надѣялись, что она прійдетъ, если ее не пугать. И люди не ошиблись: она пришла къ своей хатѣ. Хата была пуста, такъ какъ и дѣдъ и Семенъ были увезены въ городскую тюрьму. Гапка обошла кругомъ избы два раза. Но когда мужики бросились ее ловить, то она пустилась бѣжать съ такой быстротою, что преслѣдователи скоро отстали. Только одинъ парубокъ, обгонявшій рѣшительно всѣхъ въ селѣ, не отставалъ отъ нея и сталъ ее настигать. Она прыгала черезъ гряды огородовъ, мчалась черезъ бурьяны, перескакивала высокіе окопы, но тотъ не отставалъ и съ каждымъ шагомъ становился все ближе и ближе къ ней. Уже онъ былъ совсѣмъ близко, уже и руку протянулъ, что бы ее схватить, какъ вдругъ оглянулся, увидѣлъ, что сзади его никого не было, что онъ одинъ, и затрепеталъ отъ страха. Онъ не посмѣлъ остановить ее и она убѣжала въ лѣсъ. Въ эту ночь Гапка не голосила больше.

Утромъ слѣдующаго дня крестьяне собрались со всего села—и пошли ее искать, рѣшивши во что бы то ни стало покончить съ этимъ дѣломъ, волновав-

спираторовъ, временами наѣзжавшихъ, конечно, и въ Ставицы, гдѣ было немало польскихъ шляхтичей и пановъ, и въ Гораны.

При въѣздѣ въ Гораны, мужики построили землянку, гдѣ и днемъ, и ночью нѣсколько человѣкъ караулили проѣзжающихъ пановъ, останавливая ихъ и подвергая строжайшему опросу: кто, зачѣмъ и куда ѣдетъ. Вооруженные длинными пиками, эти добровольные стражники окружали несчастнаго проѣзжающаго, если только на немъ былъ сюртукъ, а не свитка, и видъ онъ имѣлъ «панскій», нерѣдко подвергали его самому грубому, безцеремонному обыску и горе было ему, когда при немъ находили какія либо бумаги, которыхъ прочитать, по безграмотности, они не могли, или оружіе... Его тащили къ сельскому старостѣ, откуда подъ карауломъ отправляли связаннаго въ уѣздный городъ, браня и издѣваясь надъ нимъ всю дорогу, а въ случаѣ непокорности—даже колотили.

Только одинъ человѣкъ въ Горанахъ по прежнему относился къ чиновникамъ и ненавидѣлъ ихъ не менѣе пановъ, — то былъ Семенъ Свистунъ, или, какъ горанцы его называли, Недбайлюкъ... Но странный онъ какой то сдѣлался въ послѣднее время!... Всегда насупленный глядитъ онъ въ землю и даже при встрѣчѣ съ сосѣдями не поднимаетъ глазъ. «Помогай Богъ», скажетъ и пройдетъ не останавливаясь, какъ будто ему ни до кого нѣтъ дѣла.

Солнце закатилось; наступилъ вечеръ. Череда давно уже воротилась съ поля. По хлѣвамъ блеяли овцы и хрюкали свиньи, укладываясь спать. На сельской, широкой улицѣ пусто. Тихо, безшумно извивались козодои за ночными бабочками надъ самой землею, мелькая то здѣсь, то тамъ въ сумеркахъ надвигавшейся ночи. Въ крестьянскихъ избахъ засвѣтились огоньки; все успокоилось, и тишина объяла деревню. На потемнѣвшемъ небѣ вырѣзались ясныя звѣзды. Вотъ уже послышался собачій лай, тотъ особый ночной лай деревенскихъ собакъ, который никогда не услышишь днемъ, —а въ хатѣ покойнаго дѣда Недбайла все еще не свѣтится огонь. Облокотившись правой рукою на столъ, сидѣлъ Семенъ въ темной избѣ и думалъ. Вспоминалась ему жизнь три года тому назадъ. Также было лѣто. Бывало, поднявшись на

зарѣ, онъ выѣзжалъ въ поле съ плугомъ на работу, а Середюковаго паробка бралъ въ «*погоньічи*». Тогда еще и *воли* не выходило и царскаго манифеста не читали людямъ въ церкви, а какой онъ былъ счастливый!!.. Волы всѣ шестеро, одинъ въ одного сѣрые, съ крутыми рогами, тянутъ плугъ только ярмами поскрипываютъ. Паробокъ сбоку идетъ, гонитъ воловъ длинной палкою, а онъ идетъ сзади за плугомъ. Земля шипитъ подъ желѣзомъ и черною лентой ложится за нимъ, а сороки со всѣхъ сторонъ слетаются, чтобы поклевать бѣлыхъ «борозняковъ». «Собъ! Собъ!..» кричитъ онъ воламъ и *погоньічу*... Круто поворачиваютъ волы влѣво, шатаютъ своими рогатыми головами, скрипятъ ярмами, а онъ выброситъ плугъ изъ борозды, опрокинетъ его на бокъ — и заѣзжаетъ къ другому краю нивы. И опять онъ поднимаетъ плугъ сильною рукою, и опять тотъ глубоко врѣзывается въ землю, и шипитъ земля, и наваливается одна черная лента сверху другой. Но вотъ, полдень... Солнце жаритъ такъ, что земля горитъ... Распрягаетъ онъ воловъ и пускаетъ въ кусты пастись, а самъ ложится въ тѣни, подъ кустомъ отдохнуть... Гдѣ же теперь эти волы?!... Все-все пропало!... Но воловъ можно легко нажить — только захотѣть, а вотъ чего не воротишь: и тутъ, какъ живой, передъ глазами его всталъ образъ стараго дѣда, а за нимъ и Гапки... — «Господи милостивый!..» — воскликнулъ Семенъ и поднялся отъ стола. Тоска сжала ему сердце такъ сильно, что онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ; онъ не зналъ куда ему дѣваться... Ощупью онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по избѣ и сѣлъ на скамью возлѣ окна. — «Не можно такъ этого оставить!.. Не можно!..» — воскликнулъ онъ громко, встряхнувъ головою, и вздрогнулъ: такъ дико прозвучалъ его голосъ въ темной хатѣ. Онъ устремилъ глаза въ окно... Старый, полуразвалившійся сарай, непочинявшійся цѣлыхъ два года, такъ какъ Семенъ совершенно забросилъ все хозяйство, чуть-чуть виднѣлся въ темнотѣ и страннымъ образомъ направилъ его мысль вновь на прошлое, но только еще болѣе отдаленное. Вспомнилась ему ветхая избушка солдатки Катерины, стоявшая на краю села, гдѣ двѣ зимы подъ рядъ онъ проводилъ вечера. Тамъ собирались «*вечерньщи*». Дивчата съ прялками; ихъ весе-

осталась ему отъ дѣда; обулъ крѣпкіе сапоги и туго перепоясался добрымъ, краснымъ поясомъ.

— Не можно такъ оставить этого!..—совершенно несознательно проговорилъ онъ громко, и такъ чудно ему показалось: показалось ему—будто эти слова не онъ, а кто то другой въ хатѣ проговорилъ.

— Чего вы не хотите оставить, Семене?..—спросилъ въ эту минуту Дембко, сидѣвшій въ темнотѣ.

Но Семенъ ничего ему не отвѣтилъ: онъ былъ слишкомъ погруженъ въ свои мысли и продолжалъ молча собираться дальше. Въ небольшой мѣшокъ онъ вложилъ два бухонца хлѣба, соли и луку; взялъ въ карманъ кресало съ кремнемъ и люльку; туда же положилъ кисетъ съ *«тютюномъ»*. Наконецъ, отыскавши топоръ, валявшійся на полу, заткнулъ его себѣ за поясъ и подошелъ къ столу... Тутъ на мгновеніе онъ остановился, опершись руками, словно надъ чѣмъ то задумался, но потомъ медленно наклонился къ столу и два раза крѣпко поцѣловалъ его. За этимъ столомъ когда то вмѣстѣ они ѣли «святой хлѣбъ»...

— Что вы тамъ дѣлаете, Семене?...—отозвался въ темнотѣ Дембко.

Семенъ ничего ему не отвѣтилъ. Онъ поднялъ голову отъ стола, выпрямился, торжественно три раза перекрестился на образа, висѣвшіе у потолка въ углу (ихъ совсѣмъ не было видно въ темнотѣ, но Семенъ зналъ, гдѣ они висѣли) и направился къ дверямъ.

— Идемъ!..— проговорилъ Дембко, молча послѣдовавъ за нимъ. Выйдя въ сѣни, Семенъ остановился, выкресалъ огонь, раздулъ и зажегъ нѣсколько сухихъ лучинъ.

— Зачѣмъ это вамъ, Семене?...

— Огонь зажигаю... Что бы было свѣтло...—отвѣтилъ онъ, и съ этими словами поднялся на верхъ по лѣстницѣ, стоявшей въ сѣняхъ и ведущей на открытый чердакъ и воткнулъ горящія лучины снизу въ соломенную крышу.

— Что это вы дѣлаете?...—крикнулъ Дембко.

— Молчите, Дембко...—прервалъ его Семенъ, слѣзая съ лѣстницы и направляясь къ выходнымъ дверямъ...—Идемъ...

— Что это?... Господь съ вами...

— Эге-ге... Да вы замолчите, или нѣтъ?..—вдругъ

гаркнулъ Семенъ, и, схвативъ Дембко сверху за плечо сильно потрясъ его.

— Ой, чего же вы разсердились?!... Господь съ вами, Семене!—лепеталъ Дембко.

— Хата чія?... Покойнаго дѣда?...—гремѣлъ между тѣмъ Семенъ.

— Эге...—согласился Дембко.

— А кто послѣ дѣда здѣсь хозяинъ? Я?...

— Такъ...

— Ну, такъ я жъ не хочу, что бы тутъ, въ этой хатѣ, жилъ кто нибудь послѣ насъ...

— А вы же сами, Семене?—робко спросилъ Дембко.

— Гайда въ дорогу!—проговорилъ Семенъ, не отвѣчая на заданный ему вопросъ.

И оба собесѣдника вышли на улицу, и быстро пошли по направленію къ пруду. Когда они, миновавъ плотину, входили въ лѣсъ и повернулись назадъ, что бы взглянуть на Гораны, то хата покойнаго дѣда Недбайла горѣла какъ свѣча, среди окружающаго мрака, освѣщая ярко - багровымъ свѣтомъ груши и яблони, стоявшія возлѣ хаты. Скоро раздались удары церковнаго колокола и уныло понеслись надъ селомъ. Сторожъ церковный, билъ набатъ, сзывая людей на пожаръ.

Семенъ съ Дембкомъ, прибывъ въ условленное мѣсто, застали уже всѣхъ въ сборѣ; тамъ было человѣкъ десять крестьянъ. Они лежали по серединѣ поляны, подъ липою, и напряженно вслушивались, такъ какъ Яковъ далъ знать, что ляхи уже ѣдутъ. Семенъ молча усѣлся возлѣ нихъ. Словоохотливый Дембко тоже молчалъ: онъ чувствовалъ себя подавленнымъ.

— Чего это звонятъ въ селѣ?...—спросилъ Яковъ.

— Горитъ моя хата,—отвѣтилъ Семенъ.

Мужики какъ одинъ вздрогнули... Но ни одинъ не произнесъ ни слова. Всякій почувствовалъ, что у Семена въ душѣ совершалось что то страшное, безповоротное, и потому никто не рѣшался обратиться къ нему съ вопросами. Къ тому же вѣтру не было и опасности для сосѣднихъ избъ никакой не представлялось, тѣмъ болѣе что хата покойнаго дѣда окружена была деревьями.

Мужики молчали, всякій погруженный въ свои мысли.

— Къ этому разбойнику?!—громко воскликнулъ Семенъ.

— Видите, Семене... Ляхи же противъ царя... Исправникъ же за царя... Исправникъ ихъ арестуетъ... Кому же, какъ не исправнику отдавать этихъ мятежниковъ?!..—Путаясь возражалъ Нечипоръ.

— Всѣ, всѣ они разбойники!—Крикнулъ Семенъ.— Убили дѣда!.. Гапку закопали въ могилу!..—восклицалъ онъ, поднимаясь на ноги.

Мужики почувствовали грозную ноту, прозвучавшую въ словахъ Семена и, понуривъ головы, сидѣли молча. Онъ между тѣмъ надѣлъ свиту, перепоясался и заткнулъ топоръ за поясъ.

— Убить вражьихъ пановъ, и тутъ и закопать!..— вскликнулъ Семенъ... А впрочемъ дѣлайте съ ними, что хотите...—спокойнѣе добавилъ онъ.—Думаете везти къ исправнику, везите... Только когда уже будете у исправника,—продолжалъ онъ, расправляя на себѣ свиту и обтягивая крѣпче поясъ,—то не забудьте отъ меня поклониться ему; скажите ему, что мы съ нимъ скоро увидимся. Прощайте, люди!..— проговорилъ Семенъ и, закинувъ свой мѣшокъ съ хлѣбомъ за плечи, направился въ лѣсную чащу...

Мужики, понуривъ головы, сидѣли, не проронивъ ни одного слова.

Мѣсяца полтора спустя исправникъ, проѣзжавшій изъ уѣзднаго города въ мѣстечко Гуни, былъ убитъ на дорогѣ и слѣдствіемъ обнаружено, что убійца былъ Семенъ Недбайлюкъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ окрестностяхъ по дорогамъ стали все чаще и чаще повторяться случаи грабежей. Полиція принимала всѣ мѣры къ поимкѣ разбойника, но онъ выворачивался очень ловко и долго бушевалъ по лѣсамъ возлѣ рѣки Буга.

Впрочемъ Недбайлюкъ былъ грозенъ исключительно для пановъ и чиновниковъ.. Крестьянъ онъ никогда не трогалъ.

Вл. Дебогорій-Мокріевичъ.

Литературный, Научный и Политическій Журналъ

„ЖИЗНЬ“

Содержаніе № 1 (апрѣль):

Освобожденная „Жизнь“.—Богатство мое..., стих. Л. Шустовой. — *Ткачи*, драма Г. Гауптмана. — *Свободы! Свободы!*, стих. А. Волконскаго. — *Бебель о Бернштейнѣ.* — *Національно-политическая жизнь Прусской Польши.* Л. Плохоцкаго.— *Кончается царство постылой зимы*, стих. Гера. — *Внутреннее обозрѣніе*, W. — *Шутки русской жизни*, W. P. — *Не жди, чтобы цѣла страна*, стих. — *Воззваніе матерей эмигрантокъ.* — *Свободная школа*, В. Поссе. — *Шесть лѣтъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи*, В. Д. Бончъ-Бруевича. — *Значеніе сектантства для современной Россіи*, В. Д. Бончъ-Бруевича. — *Разгромъ политики сердечнаго попеченія*, W. — *Пролетаріатъ и армія*, Hubert Lagardelle. — *Иностранное обозрѣніе*, В. П. — *О самозащитѣ.* — *Къ иллюстраціямъ.* — *Отъ редакціи.* — *Убійство Сипягина.* — *Хроника рабочихъ волненій и стачекъ*, Г. А. Куклина. — *Изъ польской жизни*, Рж. — *Хроника пострадавшихъ въ революціонной борьбѣ*, И. С. — *Хроника латышскаго революціоннаго движенія*, Г. П.

Иллюстраціи: Матильда Хицфельдъ на Кирхеймболянденской баррикадѣ. — Голодный тифъ у силезскихъ ткачей. — Ткачи разрушаютъ машины.—Августъ Бебель.—Л. Н. Толстой въ Крыму.— Передъ казнью, съ картины И. Е. Рѣпина. — Демократъ Якоби и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV.

Содержаніе № 2 (май):

Спорное дѣло. (Изъ хроники одного прихода), С. Лебедева. — *Разсказы Октава Мирбо.* Пер. съ французск. А. М. — *Финляндскія дѣла.* В. Погорѣловой. — *Опекуны и опекаемые.* (Письмо изъ Херсонской губерніи) П. Сѣверова.—*Бундъ.* Г. Я.—*Эволюція политическихъ настроеній польскаго общества послѣ возстанія 1863 года.* Л. Плохоцкаго.—*Къ исторіи нѣмецкой соціалдемократіи.* Manfred'a Wittich'a.—*Положеніе латышской народной школы.* Учителя.—*О новой свободной школѣ.* П. Бирюковой.—*Шесть лѣтъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи* (Продолженіе). В. Д. Бончъ-Бруевича.—*Шутки русской жизни.* W. P. — *Къ статистикѣ преступленій русскаго правительства.* В. Д. — *Изъ хроники латышскаго революціоннаго движенія* за январь, февраль и мартъ 1902 года. Г. П. — *Изъ польской жизни.* Р. Ж.—*Хроника пострадавшихъ въ революціонной борьбѣ.* Г. П.—*Среди сектантовъ.* В. Б. Б.—*Молитва за царя.* Сильвестра Мужа. — *Русскій соціалдемократизмъ и крестьянство.* Голосъ изъ деревни. — *Полицейскій соціализмъ и соціалдемократія.* К—цаго.— *Внутреннее Обозрѣніе.* W.—*Хроника рабочихъ волненій и стачекъ.* Г. А. К.—*Къ крестьянскому вопросу.* В. Поссе.—*Всеобщая стачка въ Бельгіи.* Эмиля Вандервельда. — *Иностранное Обозрѣніе.* В. П.— *Къ иллюстраціямъ.*—*Отъ редакціи.*

Иллюстраціи: Соціалдемократія и самодержавіе.—Финляндія.— Демонстрація въ Варшавѣ. — Возставшій народъ съ убитыми товарищами передъ окнами прусскаго короля. — Павловцы. — Полицейская башня Бутырской тюрьмы.

Цѣна каждой книжки 5 франковъ.

Содержаніе № 3 «Жизни» (іюнь):

Ложь. Человѣка.—*Могила.* Письма и замѣтки Маврикія Зыха. Переводъ съ польскаго В. П.—*Бундъ.* Г. Я.—*Къ студентамъ.* Стих. Студента.—*Возникновеніе классового сознанія у латышскихъ рабочихъ.* Ф. Розина.—*Внутреннее Обозрѣніе.* W.—*Россія подъ гласнымъ надзоромъ.* В. В. Б.—*Нѣсколько словъ объ украинскомъ соціализмѣ.* Л. Плохоцкаго.—*Впередъ! За родину друзья...* Стих. Студентки.—*Хроника рабочихъ волненій и стачекъ.* Г. А. К.—*Изъ польской жизни.* Рж.—*Какъ несчастны, какъ жалки они...* Стих. —*Экономическая политика г. Витте и революціонныя задачи дня.* Д. Соскиса.—*Иностранное Обозрѣніе.* В. П.—*Два конгресса.* М. В. —*Штрихи и профили.* Коцюба.—*Старообрядчество и самодержавіе.* В. Б. Б.—*Шутки русской жизни.* W. P.—*Еще о свободной школѣ.* В. Поссе.—*Проектъ средней школы для мальчиковъ и дѣвочекъ съ интернатомъ.* Матери-эмигрантки.—*Документы по дѣлу о высылкѣ изъ Полтавской губ. 26 лицъ.*—*Изъ кладезя всероссійской мудрости.*—*Манфредъ Виттихъ.* (Некрологъ).—*Къ иллюстраціямъ.*

Иллюстраціи: Взятіе Бастиліи.—Свобода ведетъ народъ.—Народъ, взявъ оружіе у инвалидовъ, идетъ на приступъ Бастиліи; (14 іюля 1789 г.).—Герценъ и Огаревъ.—Манфредъ Виттихъ.

Цѣна 5 франковъ.

Содержаніе № 4 «Жизни» (іюль).

Отъ соціалдемократической организаціи «Жизнь». — *Проектъ программы Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи,* выработанный соціалдемократической организаціей «Жизнь». — *Горе Натальи,* разсказъ В. Л.—*Къ армянскому вопросу,* —янца.—*Могила,* Письма и замѣтки Маврикія Зыха. Переводъ съ польскаго В. Плохоцкой.—*Современная Литва,* Л. Плохоцкаго.—*Демонстрація 4-го марта 1902 года,* стих. — *Хроника пострадавшихъ въ революціонной борьбѣ,* Г. П. — *Изъ хроники латышскаго революціоннаго движенія.* Г. П. — *Дѣти рабочихъ.* Разсказъ Октава Мирбо. Переводъ съ французскаго. — *Шутки русской жизни.* W. P. — *Расправа,* стих. Нжд. — *Иностранное Обозрѣніе.* В. П. — *Изъ кладезя всероссійской мудрости.*—*Проектъ программы Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.* (Выработанный редакціей „Искры" и „Зари".).—*Редакціонная замѣтка органа латышскихъ соціалдемократовъ Прибалтійскаго края* «Sozialdemokrats» по поводу проекта программы „Зари" и „Искры". (Пер. Г. П.). — *Внутреннее Обозрѣніе.* W.—*Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія девяностыхъ годовъ.* Изъ личныхъ воспоминаній. Петербуржца. — *Изъ пѣсенъ бутырцевъ.* (19 февраля 1902 г.). — *Заявленіе Литовской Соціалдемократической Партіи.* —*Къ иллюстраціямъ.* — *Обращеніе къ рабочимъ и работницамъ агитаціоннаго комитета по устройству «Дома Народа» въ Уайтчепелѣ.* — *Почтовый ящикъ.*

Иллюстраціи: Памятникъ Муравьеву-Вѣшателю.—Галлифэ по пути въ Версаль выбираетъ плѣнныхъ коммунаровъ для разстрѣла —Смерть ссыльной.- Съ картины Мальчевскаго.

Цѣна 3 франка.

„ПЕРВОЕ МАЯ“

майскій иллюстрированный листокъ „ЖИЗНИ“

Содержаніе: Майская пѣсня рабочихъ.—Майскій праздникъ.—Первое мая въ Цюрихѣ.—Первое мая въ Лондонѣ.—Первая майская демонстрація въ Либавѣ.—Майское утро народовъ.—Къ товарищамъ!—Христова Ночь.—Привѣтъ французскаго товарища.—Праздники наслажденія и праздники борьбы. К. Каутскаго.—Борющейся Россіи. Авг. Бебеля.—Русскимъ рабочимъ. Энрико Ферри.—Буря (стих.).—Къ рисункамъ. *Рисунки* Вальтера Крэна: Пролетаріатъ и самодержавіе.—Капитализмъ, трудъ и соціализмъ. Цѣна 1 фр.

ИЗЪ ЖИЗНИ ДУХОВЕНСТВА.

Содержаніе: Спорное дѣло (изъ хроникъ одного прихода), С. Лебедева.—Разсказы Октава Мирбо, перев. съ французскаго А. М. I. Проповѣдь. II. Крестины. III. Праздничный сборъ.—Богослуженіе, Л. Н. Толстого.—Присяга въ судѣ, Л. Н. Толстого.—Священники и присяжные.—Разсказъ духоборческаго старца Гриши Бокового.—Насильное крещеніе.—Проповѣдь миссіонера православной церкви Исидора Колоколова.—Дѣятельность священника Коптаренко.—О монастыряхъ.—Бунтъ въ женскомъ монастырѣ.—Пастыри и паства.—Торжество православія.—Русскія явленныя иконы, стих. Ѳ. Костромина.—Новоафонскія чудеса, разсказъ Ѳ. Костромина.—Святые отцы и чудотворный камень, истинное происшествіе разсказанное Ѳ. Костроминымъ.—Дѣятельность православнаго духовенства заграницей. I. Повѣсть о томъ, какъ іеромонахъ Ювиналій заботился о благолѣпіи Александро-Невскаго монастыря при городѣ Ямболѣ въ Болгаріи. II. Апостолы православнаго язычества въ Сѣверной Америкѣ. III. Житіе преосвященнаго Владиміра. — Духовное освобожденіе духовнаго сословія. Цѣна 1 фр. 50 сант.

Отъ издательства соціалдемократической организаціи „Жизнь“.

Всѣ пожертвованія, деньги за литературу, рукописи и всю вообще *корреспонденцію изъ заграницы* просимъ направлять *исключительно* по слѣдующему адресу:

«The Life» 35, Blythe Vale, Catford, London, S. E.

Изъ Россіи рукописи и деньги слѣдуетъ посылать намъ черезъ знакомыхъ, живущихъ заграницей.

Всѣ наши изданія продаются въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Англія.

Главный складъ: „The Life". 35 Blythe Vale, Catford. London S. E.
„Free Russian Library". 16, Church Lane. Commercial Rd. London E.
David Nutt. Bookseler. 57—59, Long Acre. London W. C.
The Anglo-Foreign Publishing Syndicate Ltd. 38, Coleman Street. London E. C
Russian Free Press Fund C°. 15, Augustus Road. Hammersmith. London W.

Франція.

Le Mouvement Socialiste. 10, rue Monsieur-le-Prince. Paris.
Boyveau & Chevillet. 22, rue de la Banque. Paris.
La Société Nouvelle. 17, rue Cujas. Paris.
I. Kleidman. Bibliotheque russe. 1, Place de l'Eglise. Nice.

Германія.

B. Behr's Buchhandlung. Unter den Linden. N° 47. Berlin N. W.
C. Tittman. Buchhandlung. Pragerstrasse, 19. Dresden.
J. H. W. Dietz Nachf. in Stuttgart (G. m. b. H.).

Австрія.

F. Topic. Librairie française. 9, Ferdinandova trida. Praha.
Buchandlung L. Rosner. Franzensring, 16, Wien.

Швейцарія.

C. M. Ebell's Buch-& Kunsthandlung. Zürich
F. Diemer, Buchhandlung. Luzern.
A. Franke, anc. Librairie Schmid & Francke. Berne.
H. Stapelmohr, Librairie. 24, Corraterie, Genève.
Georg & Co, Librairie, 10, Corraterie, Genève.
Emile Schlesinger, Librairie. Vevey.
» » » Montreux.
» » » Territet.

Бельгія.

La Librairie Néderlandaise. 50, Marché St. Jacques. Anvers.

Данія.

A. F. Host & Sons, Librairie de la Cour Royale Bredgade, 35. Copenhague

Италія.

F. Diemer, Librairie. San Remo.

Румынія.

D. P. Maloskitsky, Libraria Universala. Tulcea.

Америка.

International Book Store, A. Wasserman. 29, Clinton Str., New-Jork. U.-S. A.
M. Maisel, Bookseller. 194, East Broadway. New-Jork.

Египетъ.

The «Sfynx» Booksellinc Company I. & V. Horn. Port-Said.

Published by F. Rosin, 35 Blythe Vale, Catford London S. E.

To avoid fine, this book should be returned
or before the date last stamped below

Stanford University Libraries
3 6105 011 872 186
PG
3460.
D32B8
1902
93502

